

Виктор Пронин

Ошибка в объекте

Демин

Виктор Пронин
Ошибка в объекте

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Ошибка в объекте / В. А. Пронин — «Эксмо», — (Демин)

© Пронин В. А.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Пронин

Ошибка в объекте

Глава 1

Это была маленькая железнодорожная станция, какие, наверно, сотнями разбросаны по всему югу страны. Приземистый кирпичный вокзал с узкими окнами и сумрачным кассовым залом, крашенные скамейки, уборные, стыдливо увитые плющом, невысокий забор вдоль перрона, дальше – акации, какие-то запыленные кусты, подсолнухи. Что там еще? Кажется, навечно закрытый киоск с выгоревшими на жарком солнце обложками журналов, рядом такой же киоск с выцветшими этикетками на консервных банках и окаменевшими бутербродами. Чуть поодаль – клумба с увядшими цветами, посередине клумбы, конечно же, стоит пионер в гипсовых трусах и уж который год дудит в обломленный гипсовый горн. Каждую весну и самого пионера, и остатки его горна освежают белой известью, но уже через неделю металлическая, угольная, земляная пыль от проходящих товарняков восстанавливает прежний грязно-серый цвет пионера.

За жиденьким алюминиевым столиком с голубоватым пластмассовым верхом на металлических стульчиках под открытым осенним небом сидели двое парней. Расслабленно вытянув под столом ноги, они рассматривали царапины стола, пустую бутылку из-под пива, стаканы с подсохшей пеной. Время от времени кто-нибудь из них передвигал стул, и он раздражающе скрежетал по асфальту разболтанными ножками. Иногда то один, то другой брал стакан и рассматривал сквозь него бесконечные ряды рельсов, платформу, прикорнувших в ожидании поезда старушек, продающих пассажирам вареную картошку, соленые огурцы, осенние яблоки, сало, нарезанное на рублевые куски. Желтые листья лежали на перроне, на шпалах, и, когда проносился поезд, они кружились, поднятые вихрем; ветер обдавал лица парней жаркими волнами, запахами дыма, гари – тем неповторимым воздухом железных дорог, в котором чувствуются мазут, пропитывающий шпалы, степные травы, разогретый металл. Пока они сидели на перроне, солнце успело опуститься за невысокую крышу вокзала, тени стали длиннее, заметно похолодало.

Сухов зябко поежился, начал было застегивать тоненькую курточку, но, наткнувшись на насмешливый взгляд Николая, верхнюю пуговицу оставил расстегнутой.

– Дрожишь? – спросил Николай.

– Да нет, ничего, – как-то слишком уж поспешно ответил Сухов. Даже приосанился, но тут же сник и поспешил отвернуться.

Мимо них прошло уже десятка полтора поездов – пассажирских, скорых, товарных. Это была напряженная ветка, и составы с шахт, металлургических заводов, карьеров, из больших и малых городов грохотали круглые сутки. Иногда проносились составы с еще не ошкуренными тонкими бревнами для шахт, и тогда станция наполнялась влажным запахом леса.

Дежурный по станции уже давно поглядывал на них с подозрением, но не решался подойти, чувствуя, что люди они другие, не такие, как он. Медлительный, с плотным брюшком, в замусоленном кителе, он несколько раз прошел мимо, неодобрительно покашливая и кося маленькими настороженными глазками. Но наконец не выдержал и, когда отошел очередной пассажирский поезд, направился к парням.

– Ну что, хлопцы? Все ждем? – спросил он, стараясь придать голосу доброжелательность.

– Ждем, батя, ждем, – быстро ответил Сухов, глядя почему-то не на дежурного, а на Николая. А Николай долго смотрел вслед уходящему поезду, скучающе взглянул на Сухова, словно бы удивляясь ему, потом резко, со скрежетом придвинул стул, уселся поудобнее, поста-

вил локти на пыльный исцарапанный стол и поднял наконец глаза на дежурного. И ничего не сказал. Отвернулся и начал внимательно рассматривать прыгающих по асфальту воробьев.

– А чего ждем-то? – дежурный понимал, что его вопрос неприятен парням, что и он сам не нравится им, но уже не мог замолчать и пройти мимо.

– У моря погоды ждем! – хихикнул Сухов и опять быстро взглянул на Николая. – Верно, Коля?

– Так это, хлопцы, вы маленько ошиблись. До моря еще часов десять езды скорым. – Дежурный маялся, не зная, как быть: уйти ни с чем вроде унизительно, да и стоять перед незнакомцами тоже неловко. И он осматривал платформу, кому-то махнул рукой, опять повернулся к парням. – Или вы, может, заночевать решили? – Дежурного настораживали эти двое, которые, прибыв несколько часов назад, не спешили уезжать, ожидая, видно, какого-то своего поезда.

– Чего, батя, не бывает! Глядишь, и заночуем! – ответил Сухов, стараясь говорить легко, беззаботно. Он, похоже, не мог промолчать, видя, что к нему обращаются. Но отвечал незначуще, каждый раз словно извиняясь перед своим приятелем за болтливость.

– А если ночевать надумали, чего ждать? – не унимался дежурный.

Николай медленно нагнулся, поднял с асфальта желтый сухой лист, рассмотрел его с одной стороны, с другой, задумчиво растер в ладонях и сдунул труху прямо на дежурного.

– Чего ждем, спрашиваешь? Ждем, пока ты, батя, уберешься. Понял?

– Не понял, – сразу перестав улыбаться, ответил дежурный. Теперь, когда его обидели, он почувствовал себя увереннее. – Я при исполнении. И прошу соблюдать.

– Катись, – тихо проговорил Николай, поднимая еще один лист. Он произнес это почти без выражения, и оттого слово прозвучало еще более вызывающе.

– Добре, – сказал дежурный. – Нехай буде так. – И четким, подчеркнуто официальным шагом направился к зданию вокзала.

Николай даже не посмотрел в его сторону, а Сухов, привстав, проследил за дежурным, пока тот не скрылся за дверью. Вот его плотная фигура появилась в окне служебного помещения, вот он, припав к стеклу, еще раз посмотрел на них и поднял трубку телефона.

Сухов осторожно, чтобы не заметил Николай, оглянулся по сторонам. Платформа была пустой. Ушли старушки со своими кастрюлями и корзинами. Парень с девушкой, которые часа два на соседней скамейке шептались, хихикали и лутили семечки, тоже ушли. Солнце опустилось за деревья, и только мелкие острые его лучики пробивались сквозь поредевшую листву. Дежурный все еще говорил по телефону, время от времени поглядывая в их сторону. Николай внимательно рассматривал на ладони измельченный лист, будто гадая, стараясь увидеть в нем какой-то скрытый смысл.

– Ты чего засуетился-то? – спросил он, не поднимая глаз.

– Да так... Вот смотрю... Надо было в одно место сходить.

– Что-то ты, паря, зачистил, – Николай недобро усмехнулся и быстро в упор посмотрел на Сухова. – С чего бы? Есть не ел, пить не пил... А?

– Сам удивляюсь, – ответил Сухов, уставившись прямо перед собой ничего не видящими глазами.

– Похоже, совсем ошалел, – проговорил Николай.

– А ты думал! Не каждый день... приходится...

– Заткнись. Скоро наш поезд, потерпи.

– Я сейчас, – Сухов поднялся и пошел к уборной. Он оглядывался, стараясь выглядеть уверенным и беззаботным, но в то же время что-то объяснял, с отвращением чувствовал, что оправдывается. Вернувшись, он застал Николая в той же позе – тот скучающе смотрел сквозь грани стакана на приближающийся состав из цистерн, открытых площадок с контейнерами и тракторами. Красные грузовые вагоны казались непривычно яркими в свете захо-

дящего солнца. Состав шел медленно, притормозив у станции, и машинист, высунувшись из окна, помахал кому-то рукой, прощально помахал, – видно, не собирался останавливаться.

«Значит, так, – подумал Сухов, – я выдергиваю из-под него стул. Сидит он косо, две ножки в воздухе повисли... Я запросто выдергиваю из-под него стул, он, конечно, тут же падает, а до того, как успеет подняться, бью по голове. Этим стулом не убьешь, но время выиграю, я успею, запросто успею, а состав... – Электровоз уже прошел мимо, потянулись вагоны... – Была не была – я выдергиваю стул...»

Николай пристально посмотрел на Сухова.

– Ну? – проговорил он, улыбаясь. – Опять за свое?

– Ты о чем?

– Сядь. И не рыпайся, – в его голосе прозвучала скука, которая пугала Сухова больше всего. И еще это спокойствие, с которым Николай может совершить все, что угодно. Он знал – все, что угодно.

– Знаешь, – проговорил Сухов, не в силах оторвать взгляда от проходящих вагонов, – я, пожалуй, еще раз схожу... Если ты не против, – он вымученно улыбнулся сорвавшейся шутке.

– Сходи, – протянул Николай понимающе. – Отчего не сходить, если организм требует...

Заплетающимися шагами Сухов опять направился к увитой плющом деревянной будочке, но как-то вкось, словно обходя невидимую преграду, чуть раскачиваясь длинной нескладной фигурой. С каждым шагом его как бы сносило к самому краю перрона, к рельсам, к составу. Казалось, он вот-вот свалится на эти громяющие вагоны, на прогибающиеся под страшной тяжестью рельсы. Сухов уже миновал уборную, но продолжал идти рядом с составом, а когда решился оглянуться, то увидел, что Николай смотрит на него с поощряющим любопытством. Ну-ну, дескать, покажи, что ты там задумал! И еще как-то одновременно Сухов увидел рабочих на путях за пределами станции, дежурного, вышедшего на перрон, увидел вдалеке на улице поселка велосипедиста и даже выражение его лица – он равнодушно и сонно лущил семечки, сплевывая шелуху прямо перед собой. И все это Сухов увидел настолько четко, ясно, будто в сильную подзорную трубу. И Николая увидел – тот смотрел вслед презрительно и выжидающе.

И Сухов побежал.

Неловко перебирая тощими несильными ногами, побежал по перрону, спрыгнул на откос пути, но, не удержавшись, со всего размаха упал на острую, как толченное стекло, жужельницу, изодрал колени, руки. Даже не почувствовав боли от стеклянных осколков в ладонях, он вскочил и бросился за неумолимо уплывающим составом. Сухов бежал из последних сил в метре от поручней последнего вагона и не мог, не мог сократить расстояние. Уже почти сдавшись, он упал вперед и в падении успел схватиться за скобу. Несколько метров его тащило по насыпи, он все никак не мог встать на ноги. Наконец, изловчившись, сумел перехватить другую скобу, повыше, потом еще одну. Поднявшись на самый верх вагона, Сухов перевалился через край и с облегчением обессиленно рухнул вниз, на мелкий уголь. Но тут же, словно какая-то сила подбросила его, он вскочил, выглянул наружу. Николай по-прежнему сидел за алюминиевым столиком и с каждой секундой отдалялся, растворяясь среди станционных построек, вагонов на боковых путях, среди деревьев, заборов, навсегда уходил из жизни Сухова.

Боже, неужели навсегда?!

Не выдержав напряжения, Сухов упал лицом в угольную пыль и разрыдался, размазывая по щекам черные слезы. Успокоившись, он перевернулся на спину, раскинул руки в стороны и закрыл глаза. Мерный стук колес давал ощущение безопасности, и Сухов постепенно приходил в себя. Открыв через некоторое время глаза, он увидел над собой темнеющее небо, а приподнявшись, удивился – солнце, оказывается, еще не зашло, лишь коснулось горизонта. Словно сдавленное собственной тяжестью, оно медленно скрывалось за выпуклостью земного

шара, и рельсы сверкали красноватыми бликами, и облака были необыкновенно яркого красного цвета, и красновато-тусклые отблески солнца метались в стеклах встречных составов.

Состав дернуло, и Сухов, съехав по угольной кучке в самый низ вагона, проснулся. Над головой зияло звездное небо, мимо проплывали огни какого-то полустанка, вагон на стыках легонько вздрагивал, тело болело от впившихся острых кусков угля. Уже когда огни скрылись за поворотом, он вдруг понял, что с каждой минутой приближается к дому. Нужно было, не доезжая до Москвы, спрыгнуть и пройти километра полтора пустырями и огородами. Он хорошо знал, что перед мостом поезд замедлит ход, а сразу за рекой вдоль дороги идет травянистый склон – там можно спрыгнуть даже в темноте.

Все получилось удачно, Сухов даже не упал. Пробежав несколько метров, он остановился и сел на высохшую траву. Здесь, в темноте, вдали от людей, он был в безопасности и не спешил уходить. Наверно, должно было пройти какое-то время, прежде чем он успокоится и сможет поступать здраво.

Было уже около полуночи, когда Сухов встал, прислушался. Огни поселка поредели, только в нескольких домах сумрачно светились голубоватые окна. Телевизоры смотрят, подумал Сухов отрешенно, как о развлечении, для него теперь недоступном. И направился к реке. На самом берегу он еще раз огляделся и, не медля больше, разделся. Сухов долго умывался, потом вытряхивал угольную пыль из одежды, а когда из-за моста показался катер рыбинспекции, зачем-то нырнул в прибрежные кусты и сидел там, пока катер не скрылся.

– Ну и жизнь началась, – пробормотал он с горькой усмешкой.

К дому Сухов не решился идти по улице. За последние дни он изменился, отовсюду ждал опасности и, продираясь на ощупь сквозь колючие ветви боярышника, спотыкаясь о комья земли на убранном огороде, даже испытывал странное удовлетворение, будто своими страданиями искупал какую-то вину. И в то же время ему приятно было чувствовать себя осмотрительнее, хитрее того, кто, возможно, поджидает его у калитки, стережет за фонарным столбом, наблюдает из-за угла сарая... А то, что опасность существует, что она все ближе, он знал наверняка, знал, что скрыться ему удастся только на время.

На террасе вспыхнул свет, и Сухов увидел отца. Старик вышел на крыльцо, долго всматривался в темноту, потом вернулся в дом и включил еще одну лампочку, осветив весь двор. И Сухову ничего не оставалось, как побыстрее пересечь освещенное пространство. Зачем-то пригнувшись, он пробежал к крыльцу и, протиснувшись в дверь, тут же захлопнул ее.

– Явился, значит, – удовлетворенно проговорил отец. – И то ладно. А дружок твой где же затерялся? – кутаясь в длинное черное пальто с обвисшими карманами, старик исподлобья глянул на сына.

– Да затерялся, – с облегчением ответил Сухов, поняв, что Николай не опередил его, не появился здесь, пока он у моста дожидался глубокой ночи. Надо же, оказывается, он до сих пор опасался и этого.

– И то ладно, – одобрил отец. – Не по душе он мне. Себе на уме человек. С ним ухо остро... А? – Старик придирчиво окинул взглядом Сухова, отметив про себя его истерзанный вид, перепачканную одежду, нервозность. – А ты никак его ждешь? – подозрительно спросил он, когда Сухов неожиданно прильнул к темному окну.

– А! – отмахнулся Сухов. – Никого я не жду. Катя дома?

– К своим поехала.

– Зачем?

– Тебя, охламона, искать. А ты как думал? Трое суток мужа нет! На работе не знают, в больницах нет, в моргах тоже, милиция...

– Она и в милицию ходила? – вскинулся Сухов.

– А то как же! И в милицию. Извелась баба... – Старик все так же стоял посреди террасы длинным черным столбом, и только седые волосы светились под самой лампочкой.

Услышав какой-то шум на улице, Сухов опять метнулся к окну.

Старик молча погасил свет во дворе, запер дверь, повернув ключ два раза, потом так же неторопливо вынул ключ из двери и опустил его в обвисший карман пальто. Оглянулся на сына, который, прижав ладони к глазам, все еще смотрел на улицу.

– Хватит выставляться-то! – проворчал старик, подвигав в раздумье бровями. – Ты вот что, топай-ка в дом, а то будешь до утра к окнам кидаться. – Он пропустил Сухова в комнату, погасил свет и закрыл за собой дверь. – Как я понимаю... Ты вроде того, что... влип?

– Не знаю... Ничего не знаю! – отмахнулся Сухов.

– И правильно. Самое надежное дело – ничего не знать. Только вот что... А как мне быть? Что на вопросы отвечать?

– На какие вопросы? – быстро спросил Сухов и вздрогнул, заметив чуть в стороне какое-то движение. Осторожно скосив глаза, перевел дух – это было зеркало. Подойдя к нему поближе, Сухов с удивлением уставился на себя. Из деревянной рамы на него смотрел перепуганный человек с кровавой ссадиной на лбу, смотрел красными глазами, в уголках которых набилась угольная пыль. – На какие вопросы? – повторил Сухов.

– На эти вот самые! – зло сказал старик, встретившись с ним взглядом в зеркале. – Которые у тебя на морде написаны!

– А кто спрашивать будет?

– Все будут спрашивать. С работы приходили. Катя приедет, тоже спросит. Соседи уже побывали... Ну?

– Не знаю, батя, не знаю! Не знаю, понял?! Говори что хочешь! Что на ум придет, то и говори! А еще лучше – молчи. Понял?!

Сухов шагнул к кровати и бухнулся лицом в подушку.

– Понял, – проговорил старик. – Все как есть понял. Потолкуем утром. А то, я вижу, ты сейчас маленько не в себе. И то... Слышь, Женька! Из дому – ни шагу. Погулял, и будя. Передышка требуется. Смотри какую манеру взял – по ночам шастать. Давай-давай, укладывайся. Со мной не забалуешь! – Старик выключил свет, прошел к дивану и лег, накрывшись черным длинным пальто. – Ишь, баловать вздумал, – ворчал он. – Я те побалую...

Когда Сухов проснулся, большой солнечный квадрат лежал на стене, захватывая часть шкафа, зеркало, отрывной календарь. В комнате было необычно светло, даже как-то празднично. Сухов быстро приподнялся, сбросил ноги на пол и тут увидел отца. Старик сидел на диване в нижнем белье и в пальто. И жалостливо, будто прощаясь, смотрел на сына.

– Ты что же, так всю ночь и сидел? – спросил Сухов.

– А ты как думал? Вдруг бежать надумаешь...

– Поздно бежать, – Сухов встал и начал одеваться. Оказывается, отец ночью раздел его, и надо же, он даже не проснулся. Все утро, пока Сухов умывался, брился, расчесывал длинные спутанные волосы, его не покидало состояние беспомощности, чуть ли не обреченности. Иногда он вдруг останавливался, замирал в самых неожиданных позах и словно бы не знал – что же делать дальше, зачем он намылил щеки и стоит с бритвой в руке? А когда спохватывался, пена успевала подсохнуть, и он намыливался снова. Потом Сухов долго стоял перед зеркалом, глядя себе в глаза, будто хотел о чем-то спросить себя, утвердиться в чем-то...

После завтрака его охватило нетерпение, стремление что-то сделать. Он побежал в сарай, налил из канистры бензину в литровую банку, принес ее в дом и вдруг остановился – а зачем ему этот бензин? Вспомнив о своей затее, Сухов быстро переоделся, а брюки, пиджак, рубашку, в которых приехал вчера, сложил ворохом за углом дома, где его никто не мог видеть – ни соседи, ни прохожие. Одежду он завалил сухими картофельными стеблями и выплеснул на нее бензин. Отбросив пустую банку, кинулся искать спички, снова побежал в дом, но там их на месте не оказалось. Выручил отец, который все это время неслышной тенью ходил следом.

– На! – старик протянул коробок.

– Ах да! – Сухов схватил спички и засеменял к куче сваленной одежды. Не доходя нескольких шагов, он чиркнул спичкой о коробок и быстро ее бросил, не ожидая, пока сера разгорится. Бензин с гулом вспыхнул, и пламя охватило одежду. Огонь почему-то возбудил Сухова, его движения стали уверенными, ловкими, он бросился собирать на перекопанном огороде картофельную ботву и стаскивать ее к полыхающей куче.

– Во дает! – воскликнул он, обернувшись к отцу. И тут же сник, будто вспомнил о чем-то. Подняв с земли палку, Сухов принялся переворачивать полыхающие лохмотья и не ушел, пока от них не осталась серая кучка пепла. Взяв в сарае грабли, он старательно разгреб остатки костра. – Вот так-то, – удовлетворенно приговаривал он время от времени. – Вот так-то, уважаемые! – Его лицо покраснело, глаза стали блестящими и сухими.

– Туфли тоже бы в костер... Уж коли до этого дошло, а? – тихо проговорил старик.

Сухов оторопело перевел взгляд на собственные ноги. Как он мог забыть – ведь на нем были те самые туфли, в которых...

– А, черт! – досадливо воскликнул Сухов и бросился в дом. Найдя щетку и крем, принялся чистить туфли; стараясь черной ваксой покрыть носки, каблук, он вымазал даже подошвы.

– А это уже ни к чему, – проговорил подошедший отец. – Вакса на подошве – тоже след.

– Да? – переспросил Сухов. – Вообще-то верно, – согласился он и обессиленно выронил туфли на пол.

– Всего не сожжешь, кой-чего и носить надо... А то ведь так и дом можно сжечь... Что? – старик обернулся к сыну, хотя тот молчал. – Вот так-то. А теперь иди руки отмывай. Руки-то можно отмыть... Только, я смотрю, не только руки тебе драить надо.

– А что же еще?

– Видно, и нутро у тебя в чистке нуждается. Его-то в костер не бросишь, ваксой не затрешь. Ты, Женька, слушай... От людей ничего не скроешь, на тебя каждый глянет, и первый вопрос будет – что стряслось?

– Ничего не стряслось, – с отчаянным упрямством проговорил Сухов. – Так и запомни: ничего не стряслось.

– Я-то запомню, мне нетрудно... Лишь бы ты не перепутал – чего случилось, а чего нет. С Николаем-то своим украли чего? А? Или зашибли, может, кого невзначай? Следы-то ведь не только на портках остались.

Сухов видел, как отец открыл сарай, долго осматривал весла, черпаки, уключины. Выйдя, старик неторопливо направился к лодкам, покачивающимся на воде у самого берега. Но не успел подойти – длинными, судорожными прыжками его обогнал Сухов. Прыгнув в крайнюю лодку, он неловко качнулся, чуть было не упал, но сумел удержаться и тут же начал суматошно осматривать скамейки, приподнимать из воды размокшие мостки, откинул дверцы носового отсека и вдруг нервно рассмеялся, выловив из лужицы на дне лодки картонки. Это было какое-то удостоверение. Сухов отряхнул его от воды, разорвал и оглянулся в растерянности – куда бы сунуть? Выпрыгнув из лодки, он побежал за сарай к маленькой уборной. Бросив клочки в дыру, Сухов вышел, подобрал несколько обломков кирпичей и снова направился к уборной. Один за другим он с силой швырял кирпичи вниз, стараясь попасть на клочки удостоверения.

– Думаешь, спрятал? – спросил старик. – Так не бывает. Следы остаются... Не те, так эти, не здесь, так там...

– Там?! – переспросил Сухов, невидяще уставившись куда-то в сторону реки. – А что, правильно, – и он бросился к калитке.

– Куда в шлепанцах?! Совсем обалдел?!

Сухов послушно вернулся в дом, надел туфли, которые недавно так старательно чистил, и выскочил на улицу. Старик, опершись о калитку, долго смотрел вслед сыну, пока тот не свернул по тропинке к реке.

* * *

Сухов бежал, ничего не замечая вокруг. С кем-то здоровался, кого-то обгонял, сторонился, пропускал встречных. Остановился, лишь достигнув небольшой пустынной площадки на самом берегу. В нескольких метрах круто поднимался откос. Убедившись, что берег безлюдный, а на реке нет ни одной лодки, он принялся разыскивать что-то в пожухлой невысокой траве. И вдруг замер. Осторожно, не поворачивая головы, оглянулся. Вокруг было так же пустынно. Тогда он поднял большой булыжник, осмотрел его, будто узнавая, будто прикидывая – тот ли это, который ему нужен, и, размахнувшись, что было силы запустил в реку. Камень с глухим всплеском упал метрах в двадцати от берега.

– Так-то будет лучше, – проговорил Сухов удовлетворенно.

Отойдя от воды, он присел у откоса и, закрыв глаза, подставил лицо солнцу. Легкий ветерок, пропахший сухими травами, обдавал его лицо, шевелил волосы, чуть слышно шелестел стеблями камыша. Напряжение последних дней сменилось равнодушием и к самому себе, и ко всем, кто оказался втянутым...

Где-то его ищет жена, мается во дворе старик отец; на далеком полустанке остался Николай; да и остальным людям, которых он даже не знает, вряд ли сейчас лучше... Пришло чувство, будто переживания этих людей заслуженны, что они даже обязаны взять на себя часть его страданий, часть его вины. Осознав, что не только ему так паршиво, Сухов, не разжимая губ, вымученно улыбнулся осеннему солнцу.

Вытянув ноги, опершись ладонями о сухую, остывшую за ночь землю, он бездумно смотрел на оживающую реку. В сторону ближайшей деревеньки прошел еле видный в розовой дымке катер. С надсадным ревом пронесся на моторке ошалевший частник. Бесшумно, как видение, проскользнула многовесельная байдарка. Проследив за ней взглядом, Сухов неожиданно увидел невдалеке что-то несуразное, покачивающееся на волнах, и вскочил, едва не закричав от ужаса. Но тут же понял, что вдоль берега по течению мирно плывет черная размокшая коряга.

Расслабленность и успокоение исчезли. По тропинке к дому Сухов шагал быстро и нервно. Соседи, выглядывая из-за невысоких заборчиков, копаясь в огородах, у лодок, удивленно провожали взглядом его тощую длинную фигуру с развевающимися на ветру волосами, а он даже не видел их, проходя мимо с неподвижным, сжавшимся, будто от боли, лицом.

– Явился – не запылелся, – в голосе отца прозвучало облегчение. Он, видно, не надеялся, что сын вернется так скоро. Сухов смотрел на отца, словно не узнавая – кто он, этот человек в длинном черном пальто с непокрытой седой головой? Что он говорит? На каком языке? Потом, спохватившись, кивнул, не то соглашаясь с какими-то своими догадками, не то принимая их к сведению.

– Катя вернулась, – сказал старик.

– Вернулась? Откуда? – Сухов сморщил от напряжения лицо.

– Катя, – терпеливо повторил старик, поняв его состояние. – Твоя жена. Вернулась из деревни.

– А зачем она туда ездила? – быстро спросил Сухов, будто хотел уличить отца в каком-то обмане.

– Тебя, дурака, искала. Но в деревне она тебя не нашла. Не было тебя там.

– А я был в другом месте! – захихикал Сухов. – Я совсем в другом месте был!

– Ночным поездом девка приехала... Намаялась... Спит.

– Надо же как бывает... Главное, смотри, а она плывет!

– Кто плывет? – с опаской спросил отец.

– Коряга, – Сухов посмотрел на него ясными глазами. – Коряга плывет. А ты думал что? Смотри мне! – Сухов укоризненно погрозил пальцем и быстро направился к дому. Но, сделав несколько шагов, отяжелел и по ступенькам крыльца поднялся с трудом. В комнату Сухов вошел, волоча ноги, остановился, глядя на прикорнувшую за столом жену. Она не успела даже раздеться, не успела разложить подарки, которыми нагрозила ее деревенская родня. Сухов заметил в кошелке лук, картошку, завернутый в белую тряпочку кусок сала. Равнодушно подумал, что неплохо бы поесть, что от кошелки на полу останутся следы и надо бы мокрой тряпкой протереть и здесь, и в комнате...

В этот момент пол под ним дрогнул. Опрокидываясь навзничь, Сухов ухватился за дверной косяк, но рука его соскользнула, поймала цветастую занавеску. Крутнувшись в падении, он с грохотом рухнул поперек комнаты и уже не видел, как вскочила Катя, вбежал отец, как они вдвоем тащили к дивану его отяжелевшее тело.

– Левым! Левым загребай! – вскинувшись, хрипло заорал Сухов, но, обессилив, снова упал на спину и потерял сознание.

Глава 2

Сдунув с ладони измельченные листья, Николай долго смотрел вслед последнему вагону, на котором повис Сухов. Он даже посочувствовал ему, когда тот поскользнулся на откосе, пожелал удачи, когда Сухов бежал, хватая пальцами воздух, и облегченно вздохнул, увидев, что тому удалось все-таки вскарабкаться на вагон.

– Ну, ни пуха тебе, – пробормотал Николай. Ему сразу стало легче. Не маячило перед глазами это несчастное существо, не напоминало ни о чем, не корило одним только своим присутствием. Теперь он один, сам себе хозяин, и все прекрасно, и ничего не случилось. Да, это надо запомнить – ничего не произошло. Этих трех дней не было. И говорить не о чем. Сейчас осень, вечер, закат, через минуту-вторую исчезнет маленький квадратик вагона, на котором навсегда укатил единственный человек, знавший кое-что о нескольких днях его жизни. Да, это были не самые лучшие его дни, но и у Сухова остались воспоминания, которыми вряд ли он станет хвастать.

Николай все еще смотрел на огоньки последнего вагона, когда почувствовал, что рядом с ним, чуть позади, стоит дежурный по станции, причем не один. По цветовому пятну, увиденному уголком глаза, Николай понял, что это милиционер.

– Молодой человек! – дежурный тронул его за плечо. – К вам можно обратиться?

– Можно, – разрешил Николай и улыбнулся легко, беззаботно. – Обращайся, батя, чего там!

Милиционер, молоденький, прыщеватый парнишка, видно, уже подготовленный дежурным к скандальному разговору, не ожидал таких слов и улыбнулся в ответ.

– Присаживайтесь! – Николай шлепнул ладонью по сиденью стула, на котором недавно ерзал от нетерпения Сухов.

– Постоим, – церемонно ответил дежурный.

– Как будет угодно! – Николай подмигнул милиционеру. Строг, мол, хозяин-то.

– Куда это ваш дружок так спешно отправился? – дежурный кивнул в сторону ушедшего состава.

– Черт его знает! Псих какой-то! Мы с ним здесь и познакомились... Куда-то он добирался, кончились деньги, не то пропил, не то потерял... Думаю, что у него их и не было, – Николай улыбнулся, показав ровные белые зубы. – Я и говорю ему – вон прыгай на товарняк и уже сегодня будешь дома.

– А сам чего здесь торчишь?

– Встреча у меня с корешком была назначена – вот и промаялся день. Целый день – коту под хвост! – Николай с досадой плюнул. – Что-то у него не получилось...

Дежурный смотрел на Николая недоверчиво, словно ощупывая его кепочку, светлую плащевую куртку, кожаные плетеные туфли, облегающие джинсы. Они были в меру потерты, широкий пояс с бычьей головой на пряжке плотно охватывал талию. Было видно, что он доволен своей одеждой, самим собой и готов поговорить с кем угодно, о чем угодно, любого принять таким, каков он есть.

– Документы! – Дежурного раздражала беззаботная неуязвимость парня.

Николай весело посмотрел на милиционера – до чего, мол, настырный мужик! И, невольно подчиняясь его настроению, милиционер пожал плечами, как бы говоря: такой уж он есть, этот дежурный, но ничего, парень, все образуется.

Вынув тоненькое удостоверение, Николай вначале сам заглянул в него и, лишь убедившись, что это именно тот документ, который требуется, протянул его милиционеру.

– Прошу любить и жаловать! – сказал он. – Сухов Евгений Андреевич. Большой специалист по колбасному производству! – И дурашливо выпятил губы, скорчив значительную гримасу.

Дежурный обошел вокруг стола и тоже заглянул в удостоверение, всмотревшись в печать, в роспись, убедился, что документ не просрочен, что срок действия его не истек.

– И что же, больше ничего у тебя нет? – грузно повернулся он к Николаю. С выпирающим животом, в тесном, застегнутом на все пуговицы кителе, в замусоленном галстуке, резинкой стягивающем плотную шею, он чувствовал себя неудобно, и его злил Николай, который и вел себя легко, и говорил охотно, и улыбался щедро, и была, была насмешка в самом облике Николая, дежурный почувствовал ее сразу. – Спрашиваю, другие документы есть?

– Понимаешь, батя, нет! Ну, откуда мне было знать, что сегодня твое дежурство? А то я бы обязательно запасся справками, свидетельствами, характеристиками... А так – прости, пожалуйста! – Николай беспомощно развел руками.

Дежурный круто повернулся и зашагал к зданию вокзала. Даже издали в его походке ощущалась раздосадованность.

– Чего это он? – заговорщицки спросил Николай.

– А! – милиционер махнул рукой. – Не обращай внимания... Вы в самом деле с тем парнем за весь день только бутылку пива выпили?

– Эхма! – воскликнул Николай. – Тут ты попал в самую точку!

– С деньгой туго?

– Говорю же, друг должен был подъехать, – сокрушенно ответил Николай. – Видно, что-то случилось... – Он взял из рук милиционера удостоверение, сунул его в карман куртки и для верности застегнул на «молнию». – Тоже, видно, придется на товарняк цепляться.

– Через двадцать минут будет пассажирский – посажу. А пока – пошли, пивком угощу, а то, смотрю, ты совсем отоцал, а? – Милиционер старался как-то загладить грубость дежурного, показавшего себя таким подозрительным.

– Вот это разговор! – восхищенно крикнул Николай и поднялся, со скрежетом отодвинув стульчик.

– Большая зануда наш дежурный, а в общем-то, мужик ничего, жить можно, – сказал милиционер, будто оправдываясь.

Николаю стало совсем легко. Отношения с незнакомыми людьми складывались именно такими, к каким он привык – доброжелательными и снисходительными. Ему было немного жаль и самолюбивого дежурного, и этого простоватенького милиционера, он успел полюбить их краткой, необременительной любовью, которая растворится без следа, как только он сядет в поезд, махнет прощально рукой и станция исчезнет за деревьями...

Сунув руки в тесные карманы джинсов, распахнув куртку на широкой груди, подставив лицо под лучи закатного солнца, Николай пружинисто шагал по пыльной улочке поселка. «Все отлично, ребята, все прекрасно! – говорил он себе. – И плюньте в глаза человеку, которому взбредет в голову, будто со мной что-то случилось! Честно говорю – ничего!»

Когда поезд отходил от станции, Николай долго висел на поручнях, прощально улыбаясь новому знакомому, который настолько проникся расположением к нему, что даже снабдил на дорогу трешкой; Николай дал самую страшную клятву, которая только подвернулась на язык, что вышлет деньги в течение недели.

В вагон он вошел все с той же признательной и чуть печальной улыбкой, уверенный, что и здесь окажется среди людей, которые, конечно же, отнесутся к нему добродушно, оценив бесхитрость его души.

Дверь в одно купе оказалась открытой, и он увидел там ребят своего возраста. Расположившись вокруг громадного чемодана, они вяло перекидывались в картишки. Николай

скромно остановился у двери, не переступая порога, а когда на него обратили внимание, улыбнулся и поздоровался негромко, как бы между прочим.

– Что, в кинга рубитесь? – спросил понимающе.

– В него самого, – ответил один из парней. – Присаживайся, четвертым будешь.

– А не разорите? – Николай шаловливо посмотрел на каждого.

– Ха! Часа за три полтинник, может, и продуеть... Или выиграешь! – Ребята засмеялись.

Через несколько минут Николай знал, как зовут его новых знакомых, какие шуточки у них в ходу, знал, что все едут до Москвы. Он сразу понял, что нравится ребятам, – в таких случаях чутье его не подводило.

– А ты из какого купе? – спросил рыжий парнишка, сидевший у окна, без всякой задней мысли спросил, позевывая и тасуя карты.

– Из соседнего вагона, – не задумываясь, ответил Николай. – У нас там скукотища – ужас! Старушка едет, покряхтывает, ребеночек на горшочке попукивает, мамаша чуть ли не постирушку затеяла... В общем, сами понимаете.

– Сурово, – улыбнулся рыжий.

– Дальше некуда! – воскликнул Николай и отметил про себя, что пиджаки ребят висят у самой двери, что толстяк, проиграв рублевку, вынул деньги из накладного, открытого, такого манящего кармана.

Игра выдохалась – Николай почувствовал это раньше других. Ребята начали ходить бездумно, чаще поглядывая в окно, на полки, явно собираясь завалиться спать. Но Николаю нужно было продержаться в купе хотя бы час – только через час поезд подойдет к Харькову и простоит там не меньше десяти минут. Этого времени ему должно вполне хватить. И он решил взбодрить игру – сделал несколько ошибок, набрал кучу штрафных взяток, разыграл ужас, охвативший его, начал поминать долговую яму, в которую его неизбежно посадят, едва он сойдет с поезда. Ребята развеселились, игра пошла живее. Потом Николай перепутал масти, а заметив свою оплошность, затеял спор, предложил кон переиграть, ребята не соглашались, но в конце концов карты сдали снова.

– Ничего не случилось, ребята! Ничего! – приговаривал он, а попутчики принимали эти слова как обычные картежные шуточки, которым вовсе не обязательно иметь какой-то смысл.

Пока сдавали карты, Николай рассказывал анекдоты, ребята тоже кое-чего помнили, посмеялись над бедолагой, который вместо лимона выдавил в чай канарейку, над водопроводчиком, который битых два часа разговаривал через дверь с попугаем, потом Николай неожиданно для себя начал длинно и путано рассказывать о каком-то преступлении, свидетелем которого он случайно оказался: ударом камня по голове убили мужчину, но следствие зашло в тупик, поскольку пострадавший вроде сам был виноват. Ребята, раскрыв рты, слушали, как Николая вызывали в качестве свидетеля, заставляли опознавать преступника, а он то ли не мог его опознать, то ли не хотел, и его в конце концов отпустили, но взяли подписку, и так далее и тому подобное. Когда Николай взглянул в окно, оказалось, что они уже давно едут по Харькову, а в окне мелькают огни, неоновые буквы, рядом с поездом идут троллейбусы и автомобили.

– Идемте, идемте! – заторопился Николай и первым направился к выходу. – Засиделись, понимаешь, одурели! Подышать надо!

Ребята разбрелись по платформе, пошли к киоскам, закурили, а Николай, оставшись один, незаметно прошмыгнул в вагон. И не оглядываясь, не колеблясь, не медля, проскочил в купе, где совсем недавно играл в карты, и начал обшаривать пиджаки, рассовывая по карманам кошельки, смятые рубли, трешки, мелочь, документы. Не прошло и минуты, как Николай, сцепив зубы, мучительно медленно прошел в конец коридора, открыл дверь тамбура и, не оглядываясь, хотя нестерпимо хотелось оглянуться, проскочил в следующий вагон. Убедившись, что новые знакомые далеко, он спрыгнул на перрон и тут же нырнул под вагон, а выскочив с другой стороны, оказался прямо перед лестницей эстакады. Взбежав на самый верх, Николай

оглянулся. На освещенной платформе он увидел своих попутчиков, и ему стало грустно оттого, что вынужден был поступить с ними вот так... неожиданно.

Опершись о перила, невидимый в темноте, он сверху внимательно наблюдал, как ребята поглядывают на часы, переговариваются, – видно, беспокоятся, что его так долго нет. Диктор гулко и невнятно объявил отправление, поезд тронулся, тихонько поплыл, набирая скорость, а ребята все шли рядом с вагоном и наконец один за другим впрыгнули в тамбур.

Николай не ушел до тех пор, пока не убедился, что поезд благополучно отбыл по назначению, что никто не срывал стоп-кранов, не выпрыгивал на ходу и ему в этом городе какое-то время можно ничего не опасаться. Он долго провожал взглядом огни поезда, узнавая их среди городских неподвижных фонарей. Когда светящийся ряд окон ушел в черноту ночи, Николай отряхнул руки от железнодорожной пыли, скопившейся на перилах эстакады, и, ощущая тяжесть в карманах, направился к привокзальной площади.

Он сел в первое попавшееся такси. Повернувшись к водителю, потешно выпятил губы и показал ладонью вдоль широкой, залитой вечерними огнями улицы. Вперед, дескать.

– С поезда? – спросил водитель.

– Да нет, ребят провожал, – ответил Николай.

Он и сам не смог бы, наверно, объяснить, зачем соврал человеку, которого видит в первый и в последний раз. Примерно с год он стал замечать за собой странность – в нем будто появилось какое-то устройство, все прикидывающее, высчитывающее, что с ним может произойти. И вот сейчас Николай представил: завтра утром у водителя спрашивают, не садился ли в его машину парень в светлой плащевой куртке и в джинсах вскорости после того, как пришел поезд из Днепропетровска. Но как только водитель скажет, что подбросил местного, все вопросы отпадут...

Увидев светящиеся буквы гостиницы, Николай подождал, пока машина проскочит еще два квартала, положил водителю руку на плечо.

– Вот я и дома! – сказал он благодарно и радостно, как человек, которому неожиданно-негаданно подвезло удачно добраться поздним вечером. Вынув подаренную милиционером трешку, он, не глядя, протянул ее водителю. Тот полез было за сдачей, но Николай великодушно остановил его, вышел и захлопнул за собой дверцу. И лишь когда такси скрылось в потоке машин, он повернулся и зашагал в обратную сторону, к гостинице.

Мест, конечно, не было, но дежурная, увидев его несчастное и растерянное лицо, беспомощно опущенные руки, сжалась.

– Только до утра! – предупредила она строго, будто этим хотела снять с себя ответственность за нарушение порядка. Поправив шарфик, одернув кофточку, она сердито протянула бланк.

– Господи! – воскликнул Николай. – Да я не останусь, если вы даже просить будете пожить еще пару дней... Хотя нет, если очень попросите, то я подумаю, – он широко улыбнулся.

– Давайте паспорт!

– А вот с паспортом хуже, – опять сник Николай. – От поезда я отстал... Понимаю – глупость, дурость и невежество! Но – бывает! Бывает, девушка! Вот мое удостоверение... Может, сгодится?

– Так как вас зовут, говорите... – дежурная внимательно рассматривала удостоверение.

– Сухов Евгений Андреевич. Можно просто Женя. А вас?

– Но-но! Не забывайте, что вы еще не жилец!

– Эхма! Было бы куда хуже, если бы вы сказали, что я уже не жилец! – Николай сделал такие горестные глаза, что девушка не выдержала, рассмеялась.

Получив ключ, Николай распрямился, еще раз убедившись в своей удачливости, походка его снова стала уверенной, и девушке на прощание он улыбнулся озорно и шало. Мол, неизвестно, как у нас с вами все дальше сложится, мол, мы еще посмотрим...

На свой этаж он поднялся неторопливо, с усталой значительностью. А в номере, едва успев запереть двери, Николай преобразился, его движения стали быстрыми, торопливыми до суетливости. Он тщательно задернул шторы, подошел к кровати и начал выворачивать карманы, выбрасывая на одеяло кошельки, смятые деньги, какие-то справки, командировочные удостоверения – всю сегодняшнюю добычу.

– Простите, ребята, простите! – проговорил он с искренней горечью. – Так уж случилось, поймите меня правильно. Будем считать, что все в прошлом. И кончим на этом. Не обижайтесь, бога ради, не имейте на меня зуб, не таите зла... Виноват, ребята, но куда деваться!

Вытряхнув содержимое из бумажников и кошельков, Николай отложил их в сторону. Потом к ним присоединил всевозможные документы, справки, удостоверения – воспользоваться ими вряд ли удастся, слишком рискованно. Собрав деньги в одну пачку, тщательно пересчитал. Оказалось около трехсот рублей. Все остальное завернул в газету, найденную в номере. Убедившись, что не оставил, не выронил никакой мелочи, Николай вышел и запер за собой дверь.

На улице он свернул в первый попавшийся переулок. Дойдя до какого-то сквера, наклонился и бросил пакет под скамейку. И, не разгибаясь, развязал и снова завязал шнурок на туфле. Даже если кто-то нечеловечески хитрый и проницательный следит за ним, разгадывая все его поступки, то он увидит лишь, как Николай завязывает шнурок. И ничего не произошло, и все отлично, и жизнь продолжается. Завтра сверток кто-нибудь найдет, отнесет куда надо, ребят разыщут, вручат, пожурят за ротозейство и... И все. И будем считать случившееся маленьким недоразумением.

Вернувшись в гостиницу, Николай зашел в ресторан и плотно поужинал – впервые за несколько дней. Потом послушал музыку, даже потанцевал, заботливо придерживая за локоток захмелевшую девушку из какой-то безалаберной компании, успевшей разбрестись по всему ресторану, вестибюлю, туалетам. Поднявшись в номер, он принял душ, растерся махровым полотенцем и, погасив свет, забрался под одеяло.

Некоторое время Николай лежал неподвижно, но не спал, нет, глаза его под веками продолжали метаться, как если бы он видел что-то неприятное, беспокоящее. Перед ним расплывчато, искаженно проплывали берег реки, крутой откос, мокрые весла, с которых стекала черная вода, издерганное лицо Сухова, его побег, мелькнул милиционер с кружкой пива, ребята с картами, но уже бледно, они были почти во сне. И вдруг Николай вздрогнул, почувствовал, что рука его сжимает тяжелый холодный камень, он даже ощутил, как в ладонь у большого пальца впился острый выступ. Он с силой несколько раз сжал и разжал ладонь, потер ее об одеяло...

– Да ну вас всех! – со злостью сказал он. – Надоели – спасу нет! Спать хочу. Все. Отвалите.

Утром он проснулся бодрый; здесь же, в гостинице, на первом этаже, сходил в парикмахерскую, побрился, а выходя, так ласково посмотрел на дежурную, что та забыла о ночной усталости и смущенно улыбнулась в ответ, словно бы прося прощения за то, что вид у нее сейчас далеко не самый лучший. Николай подошел к ней, подробно расспросил, как проехать на вокзал, поскольку ночью он не запомнил дороги, попрощался, а выйдя из гостиницы, взял такси и отправился в аэропорт.

Билет он взял уже по своему паспорту и через час был в воздухе. Всю дорогу сидел, откинувшись в кресле, закрыв глаза, и по губам его блуждала неопределенная беспокойная улыбка.

Во Львове шел дождь. Николай обрадовался ему и, сходя по трапу на мокрые плиты аэродрома, поднял голову, подставляя лицо под холодные, освежающие капли. И вздохнул глубоко и облегченно, как человек, вернувшийся из долгого опасного путешествия.

Глава 3

Погода резко переменилась. От мягкой осени, которая стояла всего несколько дней назад, не осталось и следа. Похолодало. Сухой, жесткий ветер поднимал в воздух пыль и песок, тащил вдоль улиц обрывки бумаг, мусор, старые упаковки.

Сухов быстро шагал по новой, едва наметившейся улице, вдоль строительных площадок нового района Москвы. Встречный ветер так плотно прижимал к телу его тонкий плащ, что стеснял движения, воротник больно хлестал по щекам, на зубах скрипел песок. Разбитый машинами асфальт был покрыт мелкой щебенкой; небольшой камешек попал в туфлю, но Сухов не находил в себе сил отойти в сторону и вытряхнуть его. Слишком много потребовалось бы действий – остановиться, наклониться, развязать шнурок, снять туфлю... Нет, он не мог сейчас заняться ничем, что отвлекало бы его от главного, ради чего он вышел из дому, едва только спала температура. Сухов был еще слаб, спина взмокла; как он ни отворачивался, ветер дул прямо в лицо, и он поймал себя на том, что тихонько поскуливает, сцепив зубы.

Сухов уже несколько раз прошел мимо двухэтажного дома из серого кирпича, весь подъезд которого был увешан стеклянными вывесками. Остановившись у ступенек, Сухов постоял несколько минут, глядя на черно-красные с золотыми буквами вывески, и снова пошел прочь, засунув руки в холодные карманы плаща и снова принимаясь мять влажными ладонями труху из крошек, табака, автобусных билетов. Но чем дальше уходил от серого дома, тем шаги его становились медленнее, неувереннее, и наконец он останавливался и поворачивал обратно.

За последний час Сухов страшно устал. Если вначале он пытался прикинуть шансы, думал, что сказать, о чем промолчать, как бы не оплошать, то теперь собственная судьба стала ему почти безразличной. И он вошел в серый дом из силикатного кирпича, все-таки вошел. Настороженно поднялся по ступенькам, потопал ногами о железную сетку у входа, проскользнул в вестибюль. На стенах под стеклом пестрели какие-то указания, правила оформления документов. Поколебавшись, Сухов свернул влево. Услышав за дверью оживленные голоса, остановился, пригладил волосы, протер красные слезящиеся глаза, постучал. Не решившись раскрыть дверь пошире, просунул голову в щель и увидел нескольких девушек. Они весело о чем-то болтали.

– Простите... А где... Мне нужен следователь...

– Второй этаж, дяденька! Там их много! – девушки засмеялись.

Ему стало легче. То ли оттого, что он не предполагал увидеть в этом доме девушек, не думал, что здесь тоже можно вот так беззаботно смеяться, то ли потому, что удалось без особых хлопот узнать, как найти нужного человека. Последнее время самые обычные, простые дела давались ему с трудом, требовали усилий, подготовки, настроения.

Он поднялся на второй этаж и на первой же двери увидел табличку с одним словом – «Следователь», а пониже в прорезь была вставлена бумажка с фамилией – «В. С. Демин». Сухов остановился, ощутив, как болезненно дрогнуло сердце. Казалось, будто под его ударами содрогается, прогибается грудная клетка. Опершись спиной о стену, прижавшись затылком к ее холодной поверхности, он постоял и, только услышав шаги на лестнице, постучал.

– Да! Входите! – раздался молодой нетерпеливый голос.

Сухов медленно открыл дверь и, не в силах произнести ни звука, кивнул, как бы здороваясь, но так и не переступил порога, остался в полумраке коридора.

– Вам кого? – спросил его коротко стриженный парень, который что-то быстро писал за столом.

– Простите... Может быть, я помешал... Дело в том... В общем, мне нужен следователь.

– Входите. Вот так. Закройте за собой дверь. Теперь садитесь. Я следователь. Слушаю вас.

Следователь был моложе Сухова. На нем был серый костюм, красноватый свитер, и выглядел он сдержанно-нарядным. С сожалением отложив ручку, следователь повернулся к посетителю. И Сухов начал приглаживать волосы на затылке, потом зачем-то отряхнул плащ. Не зная, что делать с длинными, торчащими из рукавов руками, он скрестил их на животе.

– Ну что, давайте знакомиться, – улыбнулся следователь, показав крепкие белые зубы.

– Сухов. Евгений Андреевич Сухов.

– Очень приятно. А я – Демин Валентин Сергеевич. Слушаю вас внимательно.

– Мне необходимо сделать заявление... Не знаю только, как у вас принято...

– Так же, как и у вас! – подбодрил его Демин. – Давайте с самого начала.

– Вот так сразу? Прямо не знаю... – Сухов почувствовал, что рубашка прилипла к спине. – С чего же начать... В общем... – Сухов помолчал, посмотрел следователю в глаза и с трудом выдавил из себя: – Там... это... человека убили.

– Где там?

– На берегу.

– Кто убил?

– Один... Его сейчас в городе нет, он уехал, на поезде уехал. И его сейчас нет.

– Как его зовут?

– Николай.

– Какой Николай? А фамилия? Отчество? Где он живет? Чем занимается?

– Не знаю. Ничего этого я не знаю. Мне известно только, что его зовут Николаем, что он нездешний...

– Так. – Демин в раздумье потер подбородок, отодвинул лежащие перед ним бумаги. – Когда произошло убийство?

– Неделю назад.

– Почему же вы не заявили раньше?

– Не мог... Это не объяснишь вот так с ходу, все сложнее, чем может показаться... Так получилось... Я не мог оставить его, вернее, он не отпускал меня... Понимаете?

– Откровенно говоря, плохо. Евгений Андреевич, давайте по порядку. Вы пришли сюда, чтобы заявить о совершенном преступлении. Об убийстве. Преступник – некий Николай. Он уехал, а вас послал сюда, так?

@В-МАХ = – Нет, – Сухов вскочил, но тут же сел. – Я сам пришел. Он меня не посылал.

@В-МАХ = – А как же вы узнали о преступлении? – осторожно спросил Демин. – Или вы вместе...

@В-МАХ = – Нет! Он убил один. А вместе... Вместе мы труп прятали.

@В-МАХ = – Ни фиги себе! – невольно воскликнул Демин и, встав, прошелся по кабинету, озабоченно поглядывая на странного посетителя. – И куда же вы его спрятали?

@В-МАХ = – Мы его утопили, – упавшим голосом сказал Сухов. – Я хочу, чтобы вы знали... На случай, если все обнаружится, когда все станет ясно...

@В-МАХ = – Да уж обнаружилось! – Демин сел, откинувшись на спинку стула. – Вы хотите, чтобы этот наш разговор был зачтен как явка с повинной? Так?

@В-МАХ = – Не знаю, как это у вас называется... Просто я считаю, что поскольку стал свидетелем преступления, то должен об этом поставить в известность... Вы не думайте... Я вполне нормальный... Только слегка больной, в том смысле, что у меня температура, простыл... Что-то вроде горячки после той истории.

@В-МАХ = – Дела-а, – протянул Демин и с силой потер лицо ладонями. – И вы можете показать, где все это произошло?

@В-МАХ = – Хоть сейчас! – Сухов вскочил, начал застегивать пуговицы на плаще, пятиться к двери...

@В-МАХ = – Нет-нет, мы еще потолкуем, если вы не против.

@В-МАХ = – Конечно! Я за этим и пришел, я с радостью... Не то чтобы в самом деле с радостью, но так уж говорится, вырвалось, понимаете, бывает, что... – он говорил все тише и наконец совсем замолк.

@В-МАХ = – Начнем сначала, – Демин вынул из стола чистый бланк протокола. – Где вы познакомились с Николаем?

@В-МАХ = – На улице. На нашей улице. Я нес воду, а тут он... Дай, говорит, воды напиться. Конечно, я дал, что мне, воды жалко? Он напился, по сторонам посмотрел и говорит, что надо бы ему в одном деле помочь, что дело необычное, не каждый справится, а я вроде того... Ну, вызываю у него доверие.

@В-МАХ = – Ну что же, вы оправдали его доверие?

@В-МАХ = – Выходит, оправдал, – растерянно проговорил Сухов.

@В-МАХ = – Правильно! Доверие надо оправдывать. Вы где работаете?

@В-МАХ = – На мясокомбинате. В колбасном цехе. Начальником участка.

– Ого! У меня намечается выгодное знакомство!

Демин бросил эту шутовую фразу, чтобы дать себе передышку. Слишком уж необычное складывалось положение. Чтобы вот так, среди бела дня, по доброй воле пришел человек и признался в соучастии, или, как он утверждает, в сокрытии следов преступления, и какого преступления! Такое случается не каждый день, во всяком случае, у Демина подобное вообще произошло впервые.

А Сухов словно освободился от непосильного груза – вздохнул облегченно, разогнулся, откинул голову назад, так что волосы легли на спинку стула. Слишком уж измаялся он за последнюю неделю. И не столько болезнь его извела, сколько бесконечные колебания. Отчаянная решимость пойти и все рассказать сменялась вялым безразличием, на смену страху, подавленности приходило оживление, бывали минуты, когда он во всем винил себя, потом себя оправдывал... А теперь все кончилось.

Демин с интересом рассматривал сидящего перед ним длинного узкоплечего человека, остроносого, с близко поставленными глазами, обратил внимание на обгрызенные ногти, неглаженую сорочку, будто Сухов выхватил из ящика первую попавшуюся, второпях натянул ее на себя и прибежал, опасаясь передумать. «Вот только в своем ли он уме? – думал Демин. – Не стоит ли на каком-нибудь интересном учете? Придется навести справки. А если он честный, порядочный человек, каким и пытается предстать, что же заставило его участвовать в преступлении? Страх? Солидарность? Или же его отношения с Николаем гораздо ближе?»

– Скажите, а что, собственно, вас заставило помогать незнакомому человеку в столь необычном деле?

– Видите ли... – Сухов помялся, не зная, видимо, насколько откровенным следует быть. – Вероятно, я выгляжу не самым лучшим образом, но... Как вам это объяснить...

– Струсил? – участливо спросил Демин.

– Похоже на то. – Сухов виновато посмотрел на следователя. – Уж слишком все это было неожиданно!

– Он вам угрожал?

– Д... да! – после небольшой заминки кивнул Сухов. – Он мне угрожал. Да-да, конечно, иначе бы я не мог вот так просто...

– Он был вооружен?

– Да! У него был пистолет!

– А ведь у него не было пистолета, – улыбнулся Демин.

– Вы уверены?! – воскликнул Сухов, но, взглянув в смеющиеся глаза следователя, опустил голову. – Да, действительно... Пистолета я не видел... Но ведь он мог и быть!

– Нет, так не пойдет, – покачал головой Демин. – Сейчас я спрошу у вас, не было ли при нем небольшой пушки, и вы скажете, что да, конечно, пушка у него была. Я очень серьезно

отношусь к вашим показаниям и надеюсь, что вы пришли сюда, руководствуясь искренним стремлением помочь правосудию. – Фраза получилась тяжеловатой, но Демин понимал, что именно этих слов и ждал от него Сухов, эти слова лучше всего успокоят его, придадут уверенность, желание быть полезным и, кто знает, может быть, даже искренним.

Сухов принялся быстро и убежденно что-то говорить, заверять, размахивать руками, его жесткий плащ при этом скрежетал, он несколько раз вскакивал со стула, снова садился, а Демин прикидывал – как быть дальше. Он понимал – на него свалилась большая работа.

– Разумеется, я понимаю, что вряд ли могу рассчитывать на ваше уважение, – неожиданно закончил Сухов.

– При чем тут вообще уважение? – Демин махнул рукой. – Не об этом речь.

– Да? – Сухов исподлобья глянул на следователя, и его острые желваки дрогнули под тонкой бледной кожей. – Значит, об уважении и речи быть не может?! А я вовсе не уверен, что вы на моем месте смогли бы поступить вот так! Я пришел к вам и говорю – судите! Судите! У вас законов на всех хватит, – он дернул головой в сторону шкафа, заваленного кодексами, сводами, комментариями. – Судите! Я надеюсь на вашу справедливость, порядочность, честность – судите! – Освободившись от мучившей его тайны, Сухов вдруг почувствовал, что самолюбие восстало в нем нервно и обостренно. – Законы здесь, в этой комнате, и вон там, за окном, – он вскочил, загремев плащом, и ткнул пальцем в сторону стройплощадки, – разные! В этом кабинете нетрудно говорить о мужестве, о самоотверженности, правосознании! Здесь за это деньги платят. Но когда ночью встречаешь детину с ухмыляющейся рожей, который говорит, что надо бы труп спрятать, то думаешь не о мужестве...

– А о чем же? – с интересом спросил Демин.

– Думаешь о том, как бы рядом с этим трупом не улечься!

– Тоже верно.

– Так что вы, товарищ следователь, в своих умозаключениях поправочку на жизнь делайте, если это вас не очень затруднит! – Сухов вскинул подбородок, как бы ожидая извинений.

– Я вас обидел? – тихо спросил Демин.

– Да. Вы отказали мне в своем уважении. Вы, очевидно, полагаете, что человек уже потому только, что оказался здесь, в вашем кабинете, не имеет права на достоинство, – в голосе Сухова появились плачущие нотки.

– Ну, это вы уж подзагнули, Евгений Андреевич, – улыбнулся Демин. – Согласитесь, что подзагнули, а? Я ведь только сказал, что не время сейчас говорить о том, кто кого больше уважает...

Сухов посмотрел на улыбающегося следователя, потом обмяк, опустил лицо в ладони. Эта короткая вспышка истощила его силы, и он, кажется, с трудом удерживался, чтобы не свалиться со стула.

– Извиняюсь, – проговорил он. – Не сдержался. Я последнее время того...

– Давайте так договоримся, – Демин решительно вышел из-за стола, прошелся, сунув руки в карманы, остановился перед Суховым. – Уж коли вы последнее время того... Вот вам бумага, вот ручка, снимайте плащ и садитесь, – Демин показал на второй стол.

– В каком смысле... садитесь?

– А! – засмеялся Демин. – Я смотрю, направление мыслей у вас довольно мрачное. Нет-нет, я о другом... Подробно опишите свои похождения. Имена, даты, время, адреса и так далее. А то от ваших устных показаний у меня голова кругом идет. Договорились? – И, не ожидая согласия Сухова, он снял с него плащ, повесил в углу на вешалку. – Я займусь своей писаниной, а вы – своей.

– Ну что ж... – вздохнул Сухов. – Пусть так.

«А ведь он пришел сюда не только для того, чтобы покаяться, – подумал Демин. – Он пришел еще и для того, чтобы его утешили и, кто знает, может быть, даже восхитились... И он обиделся, не увидев восторга в моих глазах. Надо же, как бывает – люди вспоминают о достоинстве, когда опасность позади. Ведь не возмутилась его гордыня, когда ему предложили труп спрятать! Прожил, наверно, не меньше тридцати лет, а до сегодняшнего дня, пожалуй, не знал, где прокуратура находится. Конечно, это неплохо – жить вдали от злодеев, неприятных случайностей и трагических происшествий. И, вполне вероятно, Сухов относился ко всему этому как к чему-то далекому, словно нарочно придуманному, чтоб было о чем в газетах писать. И вот с бухты-барухты оказаться в такой истории! Тут взвоешь!»

Начальник следственного отдела Рожнов стоял у окна, брезгливо смотрел, как по улице несетя осенняя пыль. Увидев вошедшего Демина, он одернул пиджак, прошел за стол, прочно уселся и лишь тогда поднял глаза. Судя по всему, еще недавно Рожнов был стройнее, но случилось так, что он сам не заметил, как набрал десятка полтора лишних килограммов, однако произошло это так быстро, что он еще не успел смириться со столь печальным фактом и продолжал носить костюмы прежних размеров.

– Явка с повинной, Иван Константинович. Похоже, убийство.

– Похоже или в самом деле? – Рожнов наморщил тяжелый лоб.

– Гражданин повинившийся утверждает, что было убийство. Всех деталей я, разумеется, не знаю, но думаю, что уже сегодня потребуется оперативная группа.

Рожнов в задумчивости постукал пальцами по столу, перевел взгляд на окно и вдруг с незнакомой Демину искренностью произнес:

– Погода для выезда паршивая.

– Все случилось якобы неделю назад. И так время упущено.

– У тебя есть что-то неоконченное? Освободить не надо?

– Нет, сам закончу. По ходу.

– Посоветуйтесь с Кривицким.

– Обязательно, – быстро ответил Демин.

Рожнов внимательно посмотрел на него, уловив обиженную нотку, усмехнулся.

– У Кривицкого не очень широкий взгляд на вещи, но... правильный. Он не умеет строить сложные психологические схемы, версии, не любит искать таинственные обстоятельства и... И почти всегда бывает прав. Чаще всего преступление объясняется до вульгарности просто.

– И убийство тоже?

– Особенно убийство. Ты встречал за недолгие годы своей работы продуманное, коварное, хитро сработанное убийство? И я не встречал.

– Может, их и не бывает?

– Бывают, – нахмурился чему-то Рожнов. – О таких пишут иногда... Но, как мне кажется, потому и пишут, что они редки. Не оплошай.

Глава 4

«Моя фамилия – Сухов, зовут – Евгений Андреевич. Тридцать лет. Женат. Детей не имею. Работаю на мясокомбинате начальником участка. К уголовной ответственности не привлекался. Прошу суд учесть, что я сам, по собственной воле даю эти показания.

Начну с того дня, когда все и случилось. Задержавшись на работе, я, придя домой, уже никого не застал. Моя жена, Екатерина Васильевна Сухова, работает в овощном магазине. Я знал, что она придет поздно, так как в этот день должна сдавать смену своей напарнице. Отца дома тоже не оказалось – он работает сторожем на лодочной станции. Увидев, что ведра для воды пусты, я взял их и отправился к колонке на соседнюю улицу. Наполнив ведра, я покурил у колонки со своим знакомым Борей Ивашкиным, который может подтвердить мои показания. К тому времени уже наступили сумерки, и на столбе у колонки загорелась электрическая лампочка. Говорю об этом, чтобы доказать – в тот момент я действительно был у колонки, и Боря может припомнить, что как раз во время нашего разговора вспыхнула лампочка.

Пройдя половину пути, неожиданно на повороте я увидел незнакомого парня. Он попросил напиться из ведра. Припоминая, как пил тот парень, как плескалась вода из ведра, я могу предположить, что он был взволнован. Тогда же он сказал мне, что зовут его Николаем.

На нем были джинсы, на заднем кармане пришита этикетка, написано на ней не по-нашему, расшита золотыми нитками. Кроме того, парень был одет в светлую плащевую куртку, желтый свитер, кожаные плетеные туфли. Волосы у него покороче моих, слегка выются, цвет каштановый, на подбородке ямочка, глаза серые. Никаких особых примет вроде родинок, бородавок, шрамов, наколок я не заметил.

Когда Николай напился, мы постояли, поговорили о том, что я здесь живу, что жить здесь неважно, неплохо бы перебраться ближе к центру. После этого он неожиданно попросил меня помочь. Я подумал, что ему негде переночевать, и согласился.

Надо сказать, что он почти все время улыбается: и когда говорит, и когда молчит – такая у него привычка. Потом уже я узнал, что он улыбается, даже когда угрожает или требует чего-то. Все делает с улыбочкой. Вот и тогда он улыбнулся и попросил меня помочь ему спрятать труп. Я, конечно, засмеялся, подумал, что он шутит, взял ведра и хотел идти дальше, но он зашел вперед, растопырил пальцы и сунул мне их прямо в лицо. Руки его были в крови. Тогда же он велел мне слить ему из ведра на руки, и я видел, что вода на землю стекает красноватая. Николай сказал, что теперь мы с ним повязаны одной веревочкой, поскольку я помогал ему смывать кровь с рук, и что теперь мне никуда от него не деться.

Сейчас это звучит странно, но тогда я действительно ему поверил. Не знаю, почему именно мне он признался в убийстве. Возможно, Николай был напуган и не вполне соображал, что делает.

После такого разговора мы пришли к нам во двор, и он увидел на берегу лодки, которые оставляют у нас соседи, дачники, чтобы отец присматривал за ними. Николай сказал, что лодка нам очень нужна, и послал меня за веслами. Я взял в доме ключ, открыл сарай, взял два весла, и мы отчалили. Хочу добавить, что, когда я ходил за веслами, Николай от нетерпения или от страха начал сковыривать замок, которым лодка крепилась к цепи. Он нашел какую-то железку и колотил ею по замку. Взяв у меня весла, Николай сразу прыгнул в лодку и стал веслом отталкиваться от берега. Но у него ничего не получалось, потому что лодка от долгого стояния погрузилась в грунт. Тогда я подумал, что Николай раньше лодками не пользовался.

К тому времени стемнело, и мы отчалили почти в полной темноте. Он спросил, знаю ли я эти места, и я ответил, что знаю. Николай боялся плыть вдоль берега, поэтому вначале мы отошли почти к середине реки, а потом снова приблизились к берегу. Вытащив нос лодки на берег и стараясь потише уложить весла вдоль бортов, я услышал, как из темноты меня зовет

Николай. Когда я подошел, то увидел рядом с ним на земле что-то темное, продолговатое. Это и был тот человек. Николай сказал, что надо побыстрее отвезти его на глубокое место и сбросить в воду. Пока мы втащили его в лодку, сами вымокли по пояс, потому что пришлось зайти в воду.

Он был одет в темное пальто или плащ, волосы его мне показались темными, может быть, потому, что они были в крови. Ничего не могу сказать ни о его возрасте, ни о внешности. Вообще я не уверен в этих своих показаниях, потому что тогда почти не соображал, что делаю, и Николай подсказывал мне самые простые действия, вроде того, куда завести лодку, как вытащить весла, – когда тот человек упал на дно лодки, он прижал весла, и мы никак не могли их вытащить из-под него.

Николай не говорил, кто этот человек, что между ними произошло. Он только поторапливал меня, иногда ругался. Может быть, мне показалось, что он даже всхлипывал. Это было особенно заметно, когда, погрузив того человека в лодку, мы не смогли сразу отчалить, потому что лодка под тяжестью осела, и нам с Николаем пришлось лезть в воду, чтобы ее столкнуть. Глубокое место на реке было как раз напротив моста, и там мы сбросили того человека. При этом сами едва не перевернулись. Николай вывалился за борт и некоторое время плавал рядом с трупом, но потом все-таки влез в лодку.

Мы уже хотели грести к дому, но увидели, что тот человек не утонул и раскачивается на волнах. Это было самое страшное за этот вечер. Николай сказал, что его нужно втащить в лодку. Мы оба очень устали, и, когда все-таки удалось перетащить его через борт, у меня не осталось сил, чтобы грести. На весла сел Николай и кое-как догреб до берега. Было уже за полночь – по мосту прошел южный поезд, а он обычно идет мимо нас в четверть первого.

Уточняю, к берегу мы направились, чтобы найти какую-нибудь тяжесть. В темноте искать пришлось долго, а когда нашли подходящий камень, Николай взял проволоку, заставил меня снять с брюк ремень. Потом он привязал камень к тому человеку – тот все это время лежал в лодке, наполовину затопленной водой. Уточняю, что вода просочилась сквозь щели, а кроме того, мы зачерпнули бортом, когда возились на середине реки.

Камень привязывал один Николай, а я в это время лежал на берегу, и меня рвало. Когда можно было отчаливать, он ударил меня несколько раз кулаком по лицу и заставил залезть в лодку. На этот раз все удалось сделать быстрее, тот человек сразу ушел под воду. Мы долго прислушивались, опасаясь, что на берегу могли быть люди, но, кроме звуков лопающихся пузырей, ничего не услышали. Нас постепенно сносило течением к мосту, там от фонарей светло, но не было сил взяться за весла, мы продрогли и даже не знали, как быть дальше. У Николая начались видения, ему казалось, будто мы зацепили того человека и тащим за собой. Он веслом все пытался оттолкнуть его, но там, конечно, ничего не было, я сам видел, что он сразу ушел на глубину.

Уже светало, когда мы причалили у нашего двора. Я привязал лодку, потом пошел в сарай, чтобы отнести весла, и тут оказалось, что наши не спали, они начали ругать меня за позднее возвращение, подумав, будто я пьяный и вывалился где-то в луже. Я не стал ничего объяснять, только сказал, что Николай нечаянно упал в воду, а я его вытаскивал. Жена, поняв, видно, что мы с Николаем чувствуем себя плохо, постелила, и мы легли.

Родным я не сказал, как познакомился с Николаем. Не было у меня и мысли о том, чтобы сходить в милицию. Понимаю, что поступил неправильно, но после всего, что нам с Николаем пришлось перенести в ту ночь, я не мог поступить иначе. К тому времени между нами возникла общность или что-то в этом роде. Было такое ощущение, будто мы попали в неприятную историю и нам теперь вместе придется выпутываться. Ночные блуждания по реке, возня с тем человеком, усталость – все это сблизило нас, мы с Николаем оказались вроде друзьями по несчастью.

Убитого человека я не знал, никогда не видел, да я и не хотел знать, кем он был, что у него произошло с Николаем. Мне казалось тогда, что чем меньше знать, тем будет легче. Я думал только о том, чтобы побыстрее все кончилось. После всего, что произошло, заявить о Николае мне казалось предательством. Была даже надежда, что все это окажется сном, исчезнет и забудется. Но утром, увидев рядом с собой спящего Николая, я понял, что все произошло на самом деле. Лицо его было исцарапано, пальцы сбиты, одежда перепачкана. Проснувшись, Николай вскочил, долго смотрел на меня, видимо, припоминая детали прошедшей ночи, потом сразу как-то обмяк и сказал, что мы здорово влипли. Он подошел к зеркалу, пошутил, что, мол, не знал, как выглядят убийцы, а теперь вот знает.

Ни жены, ни отца в доме уже не было, и мы без помех привели себя в порядок. Николай долго брился, потом чистил свою куртку, туфли. В некоторых местах у него на куртке остались капли крови, и он счищал их всем, что мог найти в доме – бензином, ацетоном, каким-то растворителем. Увидев на туалетной полочке моей жены разные тюбики с кремами, Николай чем-то протер себе руки, лицо и постепенно отходил, веселел, даже рассмеялся, вспомнив свои ночные страхи, когда ему казалось, будто тот человек плывет за нами.

Однако вскоре он опять стал раздражительным, несколько раз выбегал к калитке посмотреть, не идут ли за нами, потом потребовал, чтобы мы взяли лодку и объехали места, где были ночью. И когда мы приплыли на то место, Николай обшарил камыши, поднимался по тропинке к шоссе, которое проходит над обрывом.

В тот же день Николай послал меня в магазин за водкой. У меня не было денег, и я вынужден был взять у отца – из тех, что он собирал на новый телевизор. Когда я принес водку, мы сразу ее выпили, и Николай, видимо, опасаясь, что я выдам его, начал угрожать, говорить, что теперь мы с ним связаны, что нам теперь нужно держаться друг друга. И тут же потребовал, чтобы я отдал все деньги ему. А когда я стал возражать, он, сдавив мое горло рукой, сам взял деньги в моем кармане. Горло он мне сдавил так сильно, что я почти потерял сознание, и он ударил меня несколько раз по щекам, чтобы привести в чувство. Потом обошел дом и взял все деньги, которые нашел.

На работу я не пошел, и мы весь день слонялись по улицам, заходили в магазины, ездили на рынок, смотрели какой-то фильм, обедали в ресторане, заглядывали к Галке. Уточняя, что Галка – это продавец пивного ларька, все ее знают, потому что она давно работает и не разбавляет пиво.

Возвращаться вечером ко мне Николай отказался, объяснив это тем, что нас скорее всего уже поджидает милиция. Думаю, причина была еще и в том, что он забрал в доме все деньги. И меня Николай не отпустил домой, опасаясь, что, оставшись один, я его выдам. Он вдруг стал очень подозрительным. Например, выпив у Галки пива, куском газеты протер кружку, чтобы на ней не оставалось следов его пальцев. А когда были в ресторане, боялся прикоснуться к бутылке, чтобы не оставить на ней отпечатков пальцев, хотя знал, что бутылки тут же уберут и свалят в общую кучу. Тогда мне показалось, что у Николая была какая-то тихая истерика и он не соображал, что делает.

Ночь мы провели в тепловозном депо. Там круглые сутки работает столовая, да и пройти можно без труда. Под утро, когда на нас с Николаем уже стали поглядывать с подозрением, а кто-то спросил, кто мы такие, Николай бросился в дверь. Мы вместе побежали через пути, несколько раз падали, а когда остановились, то увидели, что за нами никто не гонится. И я предложил забраться в кабину тепловоза. Там мы и переночевали.

Утром мы опять пошли бродить по городу. Деньги у нас уходили быстро, потому что Николай хотел обедать и ужинать только в ресторане и обязательно заказывал водку или коньяк. Он говорил, было бы глупо не воспользоваться этой возможностью, потому что там, он не уточнял, где именно, дают только баланду и хлебать ее придется не один год.

Вторую ночь мы провели в парке, в газетном киоске, для этого пришлось взломать дверь. Это было нетрудно, потому что задней стенкой киоск выходил к кустам. Чем объяснить то, что Николай не покидал города, хотя и опасался задержания, не знаю. Могу сказать только, что он часто менял мелочь у продавцов, выпрашивал у них двухкопеечные монеты и звонил куда-то. У него был длинный список телефонов, десятка два или больше, и по этим номерам он звонил. Я видел, как после очередного звонка он вычеркивал один из номеров. А когда все номера оказались вычеркнутыми, Николай собрался уезжать.

На третий день у нас кончились почти все деньги, их хватило только на то, чтобы купить два железнодорожных билета до какой-то станции, названия ее не помню. Мы проторчали на ней весь день – Николай ожидал, сам не зная чего. Но мне все это надоело, и я прямо ему сказал, что решил вернуться в Москву. Он попытался меня припугнуть, но я настоял на своем и первым же поездом, который шел в сторону Москвы, вернулся домой...»

Глава 5

Рожнов внимательно прочитал показания Сухова, мимоходом взглянув, правильно ли все оформлено, сколол листки скрепкой, положил их на стол, придавил сверху двумя большими тяжелыми кулаками.

– Что ты намерен делать? – спросил он, помолчав.

– Возбуждать уголовное дело по факту явки с повинной.

– Возбуждай, – кивнул Рожнов. – Сегодня же.

– Если вы не против, я это сделаю вечером. А сейчас надо бы с оперативной группой выехать на место.

– Вряд ли в этом есть смысл, – Рожнов пожал плечами. – Вторая неделя пошла... Что изменится, если ты приедешь туда на полчаса раньше? Давай не будем нарушать закон. Возбуждай дело, оформляй документацию и выезжай с богом.

– Закон позволяет в случае, когда...

– Закон много чего позволяет. Но не надо злоупотреблять этим. Такие вещи плохо называются на законе. Лучше все-таки, когда он соблюдается до самых последних кавычек.

– Даже в ущерб...

– Закон не может соблюдаться в ущерб чему бы то ни было, – с нарочитой назидательностью проговорил Рожнов. – Закон может соблюдаться только во благо. Даже если это благо не проявляется сию минуту. Если ты, Демин, с кем-то поступил, как тебе кажется, справедливо, но противозаконно, это значит, ты сорвал чужие аплодисменты. Человек, возможно, будет благодарен тебе, но в законе он усомнится. И в конечном итоге ты добьешься противоположного результата, нежели тот, к которому обязан стремиться по долгу службы. Ты меня понял?

– Да, вполне, – сухо ответил Демин. – Закон есть закон. Я могу идти?

– Тебя покорило мое нравоучение? – Рожнов усмехнулся. – Напрасно. Мы оба в данный момент находимся в служебном кабинете. А служебный кабинет – это не только помещение, это третий собеседник. Да, нас здесь трое – он, ты и я. И последнее слово за ним. Некоторые, я заметил, тяготеют служебными отношениями и стремятся их как-то облегчить, придать им характер приятельских. Я не сторонник подобных усовершенствований. Приятельские отношения, несмотря на всю их привлекательность, чреваты необязательностью. Невелика беда, если это происходит в театре или в...

– Я все понял, Иван Константинович. Мне можно идти?

– Иди, – Рожнов отрешенно наблюдал, как Демин взял показания Сухова, приставил стул, направился к выходу. – Хотя постой... Подойди, пожалуйста, сюда. Присядь. Хочешь совет?

– Конечно.

– Не надо так шепетильно относиться к своему самолюбию. Оно от этого только страдает. Его нужно почаще окатывать холодной водой, выносить на свежий воздух, встряхивать. Не стоит холить и нежить его, как комнатный цветок. В конце концов, самолюбие – это тоже рабочее качество, и надо, чтобы оно приносило пользу, а не усложняло жизнь, не трепало нервы, не портило настроение.

– Это интересно, – усмехнулся Демин.

– Смотрю я на тебя, Демин, и думаю... – произнес Рожнов свою привычную фразу. – Ведь ты еще не следователь в полном смысле этого слова, хотя и не согласишься со мной...

– Кто же я, по-вашему, Иван Константинович?

– Не надо, Демин, на меня обижаться... Вернее, хватит на меня обижаться. Постарайся выслушать меня внимательно и не думай, что я хочу тебя поставить на место... Мне скучно этим заниматься... Демин, ты находишься в процессе утруски, усушки, уминки – не знаю, как еще можно сказать. Вот ты сейчас загорелся, готов тут же сорваться с места, мчаться куда-то,

что-то выяснять... Но тебя зажгла не сама предстоящая работа, а необычность происшествия. И я опасуюсь, что ты и в дальнейшем при расследовании будешь искать нечто из ряда вон, а?

– Вы полагаете, что ничего необычного в этой истории уже не будет?

– Да, именно так. Полагаю. Все странное кончилось. Дальше пойдет проза. Тяжелая, трудоемкая, вязкая проза нашей работы.

– Не возражаю, – ответил Демин.

– Отлично, – похвалил Рожнов. – Еще одно... У меня такое ощущение, будто ты иногда стесняешься задавать людям жесткие вопросы, уличающие их в неблагоприятных поступках, ты будто боишься – как бы они не решили, что ты думаешь о них плохо.

– Совершенно верно! – подхватил Демин. – Я отношусь с уважением к людям, которых допрашиваю. Ведь только суд может назвать их виновными, разве нет?

– Не лови меня на слове, Демин, это легко, но никому не нужно. Я медленно соображаю, но мои мысли прямее, тебе не кажется? Да, у меня меньше скорость, но я выбираю более короткий путь. Так вот, мне кажется, будто ты слегка, самую малость, стесняешься своей профессии, будто тебе неловко оттого, что ты встретился с человеком в такой вот роли. Да, ты умеешь разговаривать с людьми, умеешь расположить их, добиться контакта, они нередко признаются тебе в тех вещах, в которых не признались бы тому же Кривицкому. Но взглянем правде в глаза – не потому ли они ведут себя так, что чувствуют твою слабину? Они надеются тебя разжалобить. Вот здесь, – Рожнов ткнул пальцем в показания Сухова, – все написано так, будто этот человек заранее уверен в твоём сочувствии.

– Разве это плохо? Было бы хуже, если бы он заранее был уверен, что я его никогда не пойму.

– Ладно, опять ты поймал меня на слове, – хмыкнул Рожнов. – Здесь, – он положил плотную ладонь на листки, – есть бравада, но есть и надежда на прощение.

– Кроме бравады и надежды, там есть уйма деталей, там есть искренность и откровенность. Там есть и лукавство, но кто в его положении мог бы удержаться от этого? Он жизнь свою спасает.

– Может быть, ты и прав, – медленно проговорил Рожнов. – Хорошо хотя бы то, что поговорили об этом. Теперь о деле... Сегодня выезжать поздновато. Пока приедешь – стемнеет.

– Водолазы нужны, Иван Константинович.

– Вот видишь, и водолазы нужны. Это я беру на себя, мне есть с кем договориться. И так – завтра утром?

– Годится.

* * *

Оперативная группа остановилась наверху, на краю обрыва. Вниз, к реке, вела узкая прерывистая тропинка, оканчивающаяся в камышах у самой воды. Сухов вылез из машины первым и, подойдя к бордюру, ссутулился, сунув руки в карманы своего зеленого скрежещущего плаща и отвернув лицо от холодного ветра.

– Вон там, – сказал он Демину, дернув рукой в кармане. – На той полянке внизу... Мы со стороны реки подплыли...

– А что это за тропинка? Кто по ней ходит, если она у воды обрывается?

– Рыбаки иногда подъезжают на автобусе и спускаются вот здесь, очень удобно. А если там, внизу, свернуть, вдоль берега можно быстро до нашего дома добраться.

Демин первым ступил на тропинку, сделал несколько шагов и, не удержавшись, сбегал вниз. Обрыв оказался настолько крутым, что сойти спокойным шагом ему не удалось. Вслед за следователем вниз скатились оперативники, фотограф и наконец Сухов.

– Невеселое местечко, – пробормотал Демин, оглядываясь.

Почти от самой воды поднимался крутой откос, вверху время от времени проносились машины. Отсюда их не было видно, только по шуму моторов можно было догадаться, что там довольно оживленное движение. Обрыв, похоже, использовали как свалку – берег был усеян ржавыми консервными банками, строительным мусором, тряпьем, кроватными сетками. Да и водители иногда не прочь были сбросить здесь из самосвалов мусор, чтобы не везти за город.

– Да, – протянул фотограф, – не хотел бы я закончить свои дни в таком месте. – Он уже успел снять площадку сверху, от автобусной остановки, потом сфотографировал откосы, спуск к реке, мост, несколько раз щелкнул Сухова, когда тот рассказывал о происшедшем. Демин, наблюдая за ним, уже мысленно выводил надписи к будущим снимкам... «Сухов показывает место, где лежал неизвестный мужчина», «Сухов показывает место, куда причалила лодка»...

– Послушайте, Сухов, а ваш дружок не говорил, как он здесь оказался?

– Нет, я не спрашивал, а он... Мне показалось, что ему будут неприятны мои вопросы.

– До чего утонченные отношения у вас, оказывается, были! – чуть ли не с восхищением произнес Демин.

– Вначале я попробовал расспросить его, но он сказал, чтобы я заткнулся. Так что отношения были не очень утонченные, – Сухов с укором посмотрел на Демина. – И еще... Мне бы не хотелось, чтобы вы называли его моим дружком. Мы виделись с ним первый раз и, я надеюсь, последний.

– Николай сказал, чем он ударил того человека?

– Камнем...

– А где же камень?

– Не знаю... Он не говорил, а я...

– Ребята! – позвал Демин оперативников. – Помимо окурков, бумажек, пуговиц – да, Сухов? – может попасться камень, которым нанесен удар. Так что имейте в виду.

Поглядывая искоса на Демина, Сухов чувствовал зависть. В беретке, плотном свитере и кожаной куртке, в туфлях на толстой подошве, Демин, казалось, ощущал себя легко и уютно. А вот Сухову было неважно, противно как-то. Глаза его стали красными, слезились, и он поминутно вытирал их ладонью, вытирал резко, будто слезы досаждали ему или выдавали в чем-то.

– Где вы его сбросили?

– Вон там, – Сухов показал в сторону моста. – Между вторым и третьим пролетом. Там самое глубокое место, метров шесть-семь...

– Я говорю обо всем этом, чтобы вы хорошенько припомнили обстоятельства, – Демин не спускал глаз с Сухова. – Завтра утром вам придется подробно все объяснить водолазам.

– Водолазам?!

– А как же! Будем искать. Если вы действительно утопили того человека – найдем. – Он повернулся к оперативникам. – Ну что, ребята?

– Ничего, Валя, не нашли. Чистота. Просто удивительно!

– В самом деле странно, – Демин посмотрел на Сухова. – Вам не кажется? Столько возни было в ту ночь, столько суматохи на берегу, и на тебе – ни одного следа!

– Я же говорил вам, что Николай наутро возвращался сюда... Может быть, он что-то и нашел...

– А без Николая вы не приходили сюда после той ночи?

– Нет, – твердо сказал Сухов. – Что мне здесь делать? – спросил он, не удержавшись.

– Не знаю... Но только я на вашем месте заглянул бы на всякий случай. Может быть, для того, чтобы наверняка убедиться в том, что версия, которую вы изложили в своих показаниях, не полетит к чертовой матери из-за какого-нибудь пустяка. Из-за оторванной пуговицы, брошенного окурка... Мало ли чего. Ведь вы осторожный человек, Сухов. Вы не пришли к нам, пока не убедились, что Николай уехал из Москвы.

– Я сказал правду! Я вам все сказал!

– А я что? – усмехнулся Демин. – Всего лишь позволил себе слегка усомниться... Вот смотрите, – Демин взял Сухова под локоть и медленно пошел с ним вдоль тропинки. – Вы несколько дней шатались с Николаем по Москве и чувствовали себя сообщниками, друзьями по несчастью. Так? И за все эти дни вы не дали нам знать о совершенном преступлении, не хотелось предавать убийцу, да? А потом, когда он уехал из города, вы что делаете? Выжидаете еще несколько дней...

– Я болел! Это может подтвердить врач! Ко мне вызывали «Скорую помощь»!

– Не возражаю, – спокойно сказал Демин. – Возможно, это действительно так и было. Так вот, выждав несколько дней после отбытия Николая из города, вы приходите к нам. Объясняете свое решение тем, что вам надоело бояться, опасаться стука в дверь и так далее. Будь что будет, подумали вы, много не дадут, а там, глядишь, за добровольную явку вообще условным сроком отделаюсь. Так?

– А что, – согласился Сухов, – почему бы мне не прикинуть шансы на спасение?

– Но, прикидывая шансы, вы не могли не побывать здесь. Это естественно. Ох, Сухов! Чует мое бедное следовательское сердце, что вы здесь были. Сунув руки в карманы куртки, спрятав подбородок в высокий воротник свитера, Демин подошел к самой воде и долго смотрел в сторону моста. По реке плыли размокшие листья, казавшиеся мертвенно-бледными в сумрачном свете дня, мелкая рябь гасла у берега, заросли камыша шелестели на ветру. У самого берега камыш явно поврежден, потоптан. Были ли это Сухов со своим таинственным Николаем или кто-то другой... До сих пор у Демина не было доказательств того, что убийство действительно произошло. Да и в Москве за последнее время никто не пропадал, во всяком случае, никаких запросов, заявлений...

– Валя! – вдруг услышал Демин. Обернувшись, он увидел, что один из оперативников внимательно рассматривает что-то в пожухлой траве. – Нашел! Кровь!

– Ты уверен?

– Сам не видишь? Смятая трава, даже не просто смятая, а вывороченная каблуками, и эти вот пятна, а?

– В самом деле, темно-бурые пятна, по виду напоминающие кровь, – Демин произнес фразу из будущего протокола осмотра. Кровь это или не кровь, человеческая ли она, какой группы – все это установят эксперты, а следователь напишет в протоколе спокойную фразу: на траве обнаружены бурые пятна, напоминающие кровь. – Да, – повторил Демин, – это уже кое-что... Если завтра еще и водолазам повезет, то вас вообще можно оправдать, – улыбнулся он Сухову.

– Разве я под подозрением?

– А как вы думаете? Прокурор, суд – это ладно, это их дело. А вот вы сами, для себя, уже очистились?

– От чего? – зло спросил Сухов. – От чего вы мне предлагаете очищаться? Я поступил, как подсказала мне совесть, как должен поступить каждый порядочный человек!

– Вы имеете в виду утапливание трупов с привязанными камнями?

– Оскорбление тоже входит в обязанность следователя? – оскалился Сухов.

– Нет, это в мои обязанности не входит. Но иногда приходится общаться со столь странными людьми, что не всегда заранее знаешь, какие твои слова будут восприняты за оскорбление. А знаете, Сухов, почему вы так со мной разговариваете?

– Как я с вами разговариваю?

– Ну... С таким вызовом... В ваших словах все время чувствуется обида... Будто вы ожидали к себе несколько иного отношения. А? Ведь вы гордитесь своим поступком, тем, что пришли к нам? Ну, совсем немного, а? Вы отважились на явку с повинной и всерьез полагаете, что мы должны быть благодарны вам, должны оказывать всяческие знаки внимания и почтения... Так? Может быть, вы совершили мужественный поступок...

– А разве нет? – Сухов вскинул подбородок. – Я не желаю знать, кто прав, кто виноват, не мое это дело. Есть люди, которые деньги получают, разбираясь в подобных вопросах. У них есть на это право. А у меня нет. И я не хочу этим правом обладать. И вы тоже избавьте меня... Избавьте!

– Неужели для того, чтобы иметь свое мнение, нужно специальное разрешение? У вас есть понятия о чести, достоинстве... Вы со своей колокольни можете судить кого угодно. Это делают все люди. Некоторые даже очень охотно. А вот вы почему-то отказываетесь... Или все-таки судите? Конечно, судите, но не хотите вслух говорить об этом. И знаете почему? Понимаете, что ваша мораль несколько отличается от общепринятой, и предпочитаете молчать о ней. Вот такое у меня ощущение... – Демин отошел от Сухова, сделал несколько шагов к берегу, но неожиданно обернулся. – А скажите, Евгений Андреевич, что вы здесь нашли, когда приходили без Николая?

– Камень! – выпалил Сухов. – Камень нашел, которым Николай убил того человека. Он валялся вот здесь! Ну и что?!

– Куда вы его дели? – спросил Демин негромко.

– В воду бросил! Вон туда! Как можно дальше!

– Зачем?

– Не знаю. Уж если вы так ловко разобрались в моей натуре, то объясните мне, зачем я это сделал? Ну?!

– Мне кажется, – медленно проговорил Демин, – что вы напрасно это сделали. Потому что камень подтвердил бы ваши показания. А вы почему-то взяли да и забросили его в воду...

Оперативники, услышав разговор, подошли поближе.

– Будем искать камешек-то? – спросил один из них.

– Какой смысл?! – Демин пожал плечами. – Он в ил зарылся, на нем ничего не осталось – какое это доказательство? Хотя... Это может подтвердить, что Сухов ведет с нами честную игру. А, Сухов? Если вы действительно бросили камень в воду с каким-то умыслом, то вам незачем признаваться в этом, правильно?

– Ну что вы все ищете какой-то смысл, подмысел, умысел! – протянул Сухов плачуще. – Неужели вы не можете понять, что чаще всего человек совершает поступки бессознательно, не преследуя никаких тайных целей, подлых замыслов! Просто блажь вот такая на меня накатила!

– Странная, однако, на вас иногда накатывает блажь. Да, в большинстве случаев человек совершает необходимые, очевидные поступки, не задумываясь. Но я не встречал людей, которые совершали бы преступление...

– Опять вы о том же!

– А о чем же еще, Сухов! – воскликнул Демин. – У нас с вами нет других интересов. Что-то, я смотрю, быстро вам надоели эти разговоры... Нам наверняка придется не один месяц толковать об этом. Набирайтесь терпения, Сухов. Берите себя в руки, сжимайте зубы и терпите.

Глава 6

Темнота, окружавшая Николая, так сдавливала, что каждое движение давалось с трудом, будто суставы его приржавели друг к другу. Он медленно поднял камень, почему-то хорошо знакомый камень с маленьким острым выступом, впившимся ему в ладонь у основания большого пальца, и, отведя руку назад, так же медленно опустил его на белое лицо, на его глаза, на грустную, всепонимающую улыбку. Опустил камень, мучительно сознавая, что ничего не сможет изменить, не сможет изменить даже выражения глаз этого человека. И действительно – смахнув со лба пульсирующую струю крови, как смахивают прядь волос, человек опять смотрел на него спокойно и печально...

Потом Николай почувствовал, что тишина, окружавшая его, чем-то нарушается. И еще не поняв, откуда идут звуки, что означают, догадался – они несут избавление. Звуки становились громче, он уже узнавал их, а лицо, которое всю ночь маячило перед ним, отдалилось, сквозь него он уже различал берег, набегающие волны, черный контур моста.

– Коля! Коля! – услышал он. – Да проснись же наконец!

Николай открыл глаза и увидел обеспокоенную босую мать. Она стояла у кровати и что было сил тормошила его за плечо.

– Что? – вскочил он. – Кто пришел?

– Ну разве так можно, Коля! – проговорила мать, присаживаясь рядом.

– А что? Кричал, да?

– Лучше бы уж кричал... Стонал так, будто помирал, прости меня господи!

– Эхма! – Николай pokrutil головой, стараясь быстрее прийти в себя. – И до чего же ты права! Я ведь того... И в самом деле, каждую ночь немного помираю. Точно, ма!

– Не надо так говорить, Коля. Нехорошо.

– Старею, ма! – Он вздохнул с дурашливой горестью, взглянул на часы. – Пора вставать.

Николай подошел к зеркалу и долго, придирчиво рассматривал себя, словно пытаясь найти следы неприятного сна. Скосив глаза в сторону, он увидел, что мать смотрит на него чуть ли не со скорбью, и забеспокоился – может, случилось чего? Но тут же легко подмигнул ей, не оборачиваясь. Ничего, дескать, маманя, переживем!

– Ох, и баламут ты, Коля! – вздохнула она, принимаясь за уборку, хотя и убирать-то, в общем, нечего было – кровать Николая, маленький письменный столик, оставшийся еще с его школьных времен, да бельевой шкаф.

– Баламут не баламут, а вот ручку позолотить надо бы! – Николай скорчил жалостливую гримасу. – Дай троячок, а, мамань! Ну, скажи – куда мне без трояка податься? Ну вот скажи! Ну!

Мать как-то сразу остановилась в движении, замерла, будто ее кольнула неожиданная боль, потом медленно постелила одеяло, расправила складки, все до единой расправила, стараясь протянуть это занятие подольше. И тут же села на кровать. Николай с огорчением увидел ее седину, старость, ее убогость. Даже передник был заштопанный, а тесемки, завязанные за спиной, она недавно споролла со старого халата. Словно протрезвев, он увидел ее дешевые коричневые чулки, шлепанцы, которые она смастерила из его старых босоножек, узловатые руки с жесткими ногтями. Мать молча смотрела на него, ожидая и опасаясь новых просьб. Он понял, что денег у нее действительно нет.

– Совсем-совсем? – спросил жалобно.

Она не ответила и глаз в сторону не отвела – только теперь в ее взгляде появились осуждение, неодобрение. Висевшая на ручке двери сумка с вымытыми банками и бутылками подтверждала – мать с утра собиралась пойти сдать посуду. Быстро взглянув на сумку, Николай

безошибочно определил, что вряд ли ей удастся получить за всю эту стеклотару больше полутора рублей. Да, чуть побольше рубля, подумал он, начиная злиться.

– Может, у них? – Николай показал глазами на потолок, намекая на соседей, которые жили над ними.

– Да я им уж и так задолжала...

Николай весело взглянул на мать. Ему понравилось, что она сказала «я задолжала», хотя деньги брала для него. Он оценил ее благородство и, наклонившись, звонко чмокнул в щеку.

– А может, еще раз попытаться? – шепнул он матери на ухо. – А? Попытка не пытка, а?

– Пытка! – простонала мать. – Ты не знаешь, Коля, какая это пытка – ходить и кланчить деньги... Раз, второй, третий...

– Эхма! – он досадливо щелкнул пальцами. – Отощали мы с тобой, отощали! Надо бы что-то придумать!

– Что тут думать – на работу надо устраиваться. Тут, Коля, думай не думай, а мимо этого не пройдешь.

– А кто возражает? Кто? Ты возражаешь? Я тоже не возражаю. Все. Иду искать работу. Давай так договоримся – ты берешь у этих куркулей трояк, а я с трояком иду искать работу... Которая тебя бы не огорчала. Заметано?

– Коля, – она положила руку ему на колено, – Коля, меня никакая работа не огорчает. Работа, она и есть работа.

– И опять согласен! – воскликнул Николай, поднимаясь и этим желая как-то подтолкнуть мать, поторопить ее.

– Тут одного согласия мало. Работать надо, Коля. Учиться надо. Жить надо, Коля. Погоди, я ведь не про то, что, дескать, есть-пить надо... С людьми надо как-то жизнь налаживать. И тут у тебя не все в порядке.

Николай с интересом наблюдал, как мать собирается с духом. Вначале подошла к зеркалу, поправила волосы, заведя их за косынку, пристально посмотрела себе в глаза и, будто не выдержав собственного взгляда, опустила лицо в большие шишковатые ладони.

– Ты никак молитву творишь? – хохотнул Николай, стараясь шуткой подбодрить мать, увести ее от опасного настроения. Та не ответила. На ходу утерла губы, сняла передник и повесила на ручку двери, решив, видимо, что без этой застиранной тряпки будет выглядеть достойнее. У выхода постояла с минуту, почти касаясь лицом холодного никелированного замка, напоминающего какой-то хирургический инструмент, беспомощно оглянулась...

– Вперед, маманя! – Николай ободряюще подмигнул ей. – Ни пуха!

Она вышла, не ответив. Поднявшись на следующий этаж, постояла, ожидая, пока успокоится сердце. Глянув вниз, мать увидела на площадке сына – Николай потешными ужимками подбадривал ее.

– Я верю в тебя! – свистяще шептал он. – А то ишь – насобирали деньжищ! Девать небось некуда!

– Да какие деньжищи, господи! – вполголоса, скорее для себя, ответила мать. – Сами перебиваются. Нехорошо, ох как нехорошо... – и нажала кнопку звонка.

Когда она вернулась, Николай заканчивал бриться. Он не бросился к матери, понимая, что ей сейчас одинаково неприятны будут и его радость, и поздравления, и просто вопрос – удалось ли? Матери нужно было успокоиться, прийти в себя, попытаться забыть об унижении, которое только что перенесла. Такие вот посещения соседей она переживала болезненно и подолгу что-то бормотала, будто оправдываясь перед собой же или каюсь...

Не оборачиваясь, в зеркало Николай внимательно проследил, как мать проходит в коридор, стоит, будто собираясь с силами, повязывает передник... Уже по тому, как присела к столу, Николай понял – вернулась с деньгами.

– Как погода на улице? – невинно спросил он, давая понять, что деньги – не самое важное, можно поговорить и о другом.

– Выгляни в окно, – без выражения ответила она, и Николай догадался, что мать разгадала его хитрость.

– Солнышко, солнышко, выгляни в окошко, – пропел Николай вполголоса. – Да! – воскликнул он, словно вспомнив. – Как твой поход?

– Успешный поход, – вздохнула мать. – Не так ты живешь, Коля! – сказала она, будто продолжая давний разговор, будто не слыша его радостных воплей, привычных шуточек.

– Э нет! – живо откликнулся Николай. – Так не пойдет. Сначала гони трояк, а потом я буду слушать тебя сколько хочешь, хоть все утро! И слова поперек не скажу.

И тут он заметил в руках у матери не зелененькую бумажку, которую ожидал увидеть, а красненькую. Значит, мать принесла десятку! Ну, дает старуха! Ей же цены нет!

– Да тебе цены нет! – воскликнул он.

– Трояк мне цена, – невесело откликнулась мать.

– Что ты! Какой трояк, если ты десятку в руках держишь?! Нет, маманя, не прибедняйся!

– Возьми, – она протянула деньги. – Сдачу-то отдать надо, у них у самих дело к получке идет.

Николай легким движением взял десятку, дунул на нее, посмотрел на свет, покусал за угол, как бы проверяя – не фальшивая ли, и тут же, словно забыв и о десятке, и о матери, сунул деньги в карман, думая о чем-то другом.

Нет-нет, Николай любил свою мать, никогда не говорил ей грубых слов, старался не дерзить, отделяясь шуточками. А после своих походов неизбежно возвращался в эту небольшую ее квартирку, возвращался как в старую, надежную берлогу, где в полной безопасности можно отлежаться, зализать раны и снова выйти отсюда сильным и беззаботным. Одно то, что такая берлога существовала, что был человек, который всегда ждал его, давало Николаю уверенность, что в конце концов все кончится хорошо, любые неприятности отвалятся от него, как короста от зажившей, здоровой кожи. Он понимал, мать не в восторге от его легкомыслия, шалостей, но искренне полагал, что есть недостатки и похуже.

– Олежек, дружок твой школьный, институт кончил, квартиру получил, – проговорила мать.

– Вот теперь давай, – с заметным раздражением ответил Николай. – Рассказывай, кто чего кончил, кто какие деньги зарабатывает, кто на какой машине ездит, – игривое настроение у Николая прошло, слова матери воспринял как грустную неизбежность.

– Женился Олежка, поступил на завод, и вскорости квартиру ему дали... Хорошая квартира...

– Что же он, подонок, на новоселье не позвал?!

– А зачем, Коля? О чем ему с тобой говорить? О том, как вы десять лет назад за одной партой сидели? У него теперь другие интересы. Да и тебе с ним о чем толковать? Какая бутылка сколько стоит, он не знает...

– Вот тут ты, маманя, уже побольнее ударила. Теперь в самый раз о другом дружке поговорить, про Костю пора вспомнить.

– А что Костя? Пьет Костя. В вытрезвителе своим человеком стал, даже денег с него за ночевку не берут, нечем ему расплачиваться. Поговаривают, у него там постоянное место забронировано, даже белье не меняют... Думаешь – молодец только потому, что пьешь меньше Кости? Догонишь, – успокаивающе произнесла она. – Это нетрудно. Дала тебе десятку, а сама вот не верю, что ты мне сдачу принесешь. Не верю, Коля. И до таких времен мы с тобой дожили... О том только думаю, чтоб ты ее хотя бы не за один день спустил, чтобы тебе ее дня на три хватило.

– Зачем же давала? – зло спросил Николай.

- Уж очень ты просил, ведь умеешь просить... Научился.
- Можешь взять ее обратно!
- А ты не отдашь, – с улыбкой проговорила мать. – Не отдашь, Коля.
- Ты так уверена в этом? – он решительно сунул руку в карман.
- Уверена, Коля.

Николая раздражал этот разговор, он опаздывал на встречу с друзьями, но в то же время с удовольствием сознавал, что неплохо выглядит в тугих джинсах, желтом свитере и в черной куртке из настоящей кожи. Он нравился себе таким, стремился быть таким, идти по жизни налегке, без чемоданов и сундуков, набитых тряпками, чувствами, мыслями, восхищался, гордился своей постоянной готовностью прыгнуть в проходящий поезд, в отлетающий самолет, в чужую жизнь и тут же выйти из нее, как из проходного двора.

– Гордости в тебе поубавилось, – продолжала мать, глядя на школьный ранец Николая, который до сих пор висел на стене – она складывала в него штопку, иголки, нитки, пуговицы. – Тебя, Коля, уже трудно обидеть. Еще год назад, всего только год, ты бы вернул десятку после таких моих слов, а сейчас вот не вернул... И я говорю это не для того, чтобы заставить тебя отдать деньги, бог с ними, с деньгами.

– Ты ошибаешься, маманя. Меня сейчас очень легко обидеть.

– Это не то, Коля. Это обидчивость. Это от слабости. Ты стал слабее и потому обидчивее... Интересы помельче стали... Любаша вот уехала, не смогла она с тобой. И ребеночка увезла, какого парнишку увезла!

– Приедет, – успокаивающе протянул Николай.

– Дай бог... Да только не верится.

– Приедет. Погуляет и вернется.

– Не надо так, Коля... Ты ведь знаешь, как она к тебе относилась... Такой жены у тебя больше не будет, таких ни у кого не бывает дважды.

– Ну, маманя, это ты напрасно! Какие девушки в нашем городе иногда попадаются...

– Красивше? В штанах и с сумками на ремнях? У которых бритвочки на шее болтаются? Нет, Коля, я не об этом... Они не будут к тебе так относиться. Побаиваюсь я их, у них ведь бритвочки не зря на шее болтаются, мне все кажется, что они и в руку их не прочь при случае взять. А Любаша...

– Что Любаша? Я к ней плохо относился?

– Когда как, Коля, ты и сам знаешь. Другая бы и тем, что перепадало, сыта была, а эта с характером оказалась. Ведь она не сразу уехала, все надеялась, все уговаривала тебя... А сколько слез в этот передник пролила, пока ты по ночам с дружками куролесил... Нет, неправильно ты живешь, Коля.

Николай прошелся по комнате, постоял, раскачиваясь на носках, не вынимая рук из карманов.

– Эхма, – проговорил негромко. – Мне бы твои заботы.

– Кабы ты взял у меня хоть половину моих забот, другая бы жизнь у нас с тобой началась.

– Авось и та от нас не уйдет. – На прощание чмокнув мать в щеку, Николай, уже не задерживаясь, вышел из квартиры.

Первым, кого увидел Николай на улице, был Сухов. Едва он вышел на крыльцо, как ему сразу бросились в глаза длинные волосы, узкие сутулые плечи и быстрая, какая-то прыгающая походка. Сухов прошел мимо дома, не оглядываясь, хотя вполне мог заметить Николая, мог бы оглянуться на грохот двери. Но не оглянулся, кажется, даже наоборот – прибавил шагу. Почему? Скрывается? Или привел кого-то с собой?

Николай оглянулся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Старуха прошестела с кошелкой, две девчонки-задрыги проскакали, парень на гоночном велосипеде... Все спокойно.

Сбежав по ступенькам, Николай поспешил за Суховым. Тот успел уже почти скрыться среди прохожих, но его выдавал рост. Оглянувшись несколько раз, Николай немного успокоился – их никто не преследовал. Быстро шагая по мощеному тротуару, он все пытался понять – где допустил промашку, где оплошал, как Сухов мог догадаться, что он живет в этом городе, на этой улице, в этом доме? Как? И вдруг от мелькнувшей догадки похолодел, на какое-то мгновение остановился... Вот они с Суховым перед рассветом возвращаются с реки, измученные всем, что им пришлось перенести, и тут же без сил заваливаются спать на террасе... Да-да, конечно, жена Сухова еще ворчала, срамила, кряхтела, а Николай уже чувствовал, что выключается. Все так и было! Когда он заснул, Сухов забрался к нему в карман, вынул документы. И нет, нет больше неуязвимости! «Ах, как паршиво! Как паршиво!» – крикнул Николай и прибавил шагу.

Когда Сухов остановился на перекрестке, он подошел к нему сзади, сдавил локоть.

– Спокойно, Женя. Это я.

Николай растянул губы в благодушной улыбке и шаловливо посмотрел на Сухова снизу вверх, искоса, как бы между прочим. И встретился взглядом с совершенно незнакомым человеком.

Поняв, что Николай не в силах произнести ни звука, незнакомец снисходительно усмехнулся.

– Спокойно, Женя, – он похлопал Николая по плечу.

– Прошу прощенья, – попытался все свести к шутке Николай и, круто повернувшись, зашагал в обратную сторону. Он сел на первую попавшуюся скамейку, закинул ногу за ногу, руки раскинул на спинку, а голову запрокинул так, что видел только редкие осенние листья и синие лоскутья неба. Ему нужно было время, чтобы успокоиться и обрести благодушное, снисходительное отношение к себе и ко всему на свете.

– Ничего себе житуха началась, – проговорил он вслух. И через некоторое время опять повторил: – Ничего себе началась... Если так дальше пойдет, можно сливать воду. Тоже еще, Же-е-ня, – передразнил он долговязого парня. – А хорошим камушком по темечку приласкать – недолго бы ногами сучил.

И тут Николай до ужаса явственно почувствовал в руке прохладную тяжесть камня, ощутил его шершавость, прилипшие комочки земли и выступ, больно впившийся в кожу. Резко распрямившись, он сжал ладони, с силой потер их друг о дружку, пытаясь растереть, стряхнуть неприятное воспоминание.

– Ничего, ребята, переморгаем. Не надо только суетиться, спокойненько надо, этак между прочим. И все войдет в берега. – Поднявшись, он оглянулся на скамейку и усмехнулся, осознав, что у него появилась новая привычка – осмотреть место, с которого уходил, убедиться, что не наследил.

Проходя по улице, Николай бегло осматривал свое отражение в витринах, привыкал к новому облику. Вернувшись в город, он на второй день подстригся, сильно укоротив прическу, свои голубоватые, изысканно-потертые джинсы продал, а вместо них купил новые. Светлую плащевую куртку тоже продал на толчке и там же купил другую, черную. Последнее время Николай частенько замечал за собой стремление стать непохожим на того, каким он был месяц назад.

– Что-то наш Коляш изменился, – сказал как-то Костя, глянув на Николая с пьяной проницательностью. – Что-то с Коляшем произошло... Нервным стал наш Коляш, по сторонам оглядывается. – Костя, которого все называли не иначе как Костомаха, наклонил голову к самому столу, чтобы заглянуть Николаю в глаза.

– Камушек подходящий подыскиваю, вот и оглядываюсь, – ответил Николай.

– А зачем тебе камушек, Коляш? Ты что, строиться надумал?

– Нет, хочу проверить, как водка влияет на крепость черепной коробки, – неожиданно брякнул Николай и тут же пожалел об этом.

– Думаешь, камушком удобно?

– Удобно, – Николай посмотрел приятелю в глаза, и тот понял, что шутки кончились. – Может, скажешь, проверено?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.